

№ 59 (68) сентябрь 2014

Издаётся с января 2006 года

Свидетельство о государственной
регистрации: ПИ № ТУ36-00332
от 24.12.2012

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniush.ru

НЕОТМИРНЫЙ СВЕТ

*О, Русь моя! уже который год –
окутана предательским туманом,
прицельный взгляд из-под бровей вразлёт –
ты ждёшь-пождёшь врага на поле бранном /.../.*

*Не меч, не щит, не сабля, не топор,
не ось тележная пугает свору бесью –
её страшит твой скорбно синий взор,
молитвенно пристывший к Поднебесью.*

*Казалось бы, мелькнул – и снова нет,
в свинцовых тучах безвозвратно скрылся...*

*Но страшен бесам Неотмирный Свет,
что на тебя хотя б мельком пролился.*

*О, Русь!.. Ты заслужила этот миг,
оплаченный веками слёз и горя –
с тобой Михаил Архистратиг,
Илья Пророк, Георгий Змееборец...*

*Омыта Светом, станешь вновь собой,
и луч, как меч, разгонит бесов ада!..
И не проигран с тьмою смертный бой,
пока с тобой Небесный Полк засадный.*

Диана Кан

Всеволод Иванов. Арктида зовёт.

СВЕТ ХРИСТОВ ПРОСВЕЩАЕТ ВСЕХ!

Фра Анжелико. Преображение Господне. (1442 г.)

Впервые пророчество о Свете, Приходящем в мир, записал пророк Исаия, названный ветхозаветным евангелистом: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» [Ис. 9, 2].

И здесь припоминаются слова одного из псалмов, которые описывают состояние некогда пленённого народа: «Они сидели во тьме и тени смертной, окованные скорбью и железом; ибо не покорялись Словам Божиим и небрегли о Воле Всевышнего» [Пс. 106, 10-11].

Если мы будем честны по отношению к самим себе, то неизбежно поймём, что и нашим предкам, и нашим современникам, да и нам самим знакомо такое «скованное» состояние души и ума, когда забывается Истина, когда изгоняется Бог, когда заглушается совесть, которая есть не что иное как Глас Божий в душе каждого человека.

Давайте напомним друг другу об истинном значении и содержании того, что мы называем «просвещением». Обучая наших детей основам наук и повышая уровень собственных знаний, мы хорошо делаем. Но если мы небрежем о совести и о таких основополагающих ценностях, как любовь к Богу и любовь к ближнему – мы далеки от истинного понимания того, что есть просвещённый человек.

Целая эпоха в истории европейской культуры была названа «эпохой Просвещения». Но это было также и время самонадеянного и соблазнительного отказа учёных умов от Божественной Истины, время гонений, воздвигнутых на Господа Иисуса Христа, на «Евангелие» Любви и на Божественный Закон жизни.

Именно тогда знания и разум начали противопоставлять Вере и сердцу, словно они – непримиримые враги. И что же породила эта горделивая эпоха? Нет, не процветание народов, не мир и не благоденствие.

Она вызвала к жизни гражданские смуты, кровопролития, войны и исторические катастрофы, что по сей день отзываются злобещим эхом в умах людей.

Страшный опыт переживает человек, накопивший многие знания, обладающий прогрессивными взглядами и широкими практическими навыками – но не просвещённый Светом Божественной Истины. Рано или поздно он сознаёт, что несвободен, что скован одиночеством и безысходностью, что покрыт тенью забвения, и вокруг – пустота... К самым сокровенным тайникам человеческого сердца обращён евангельский вопрос Христа Спасителя: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма» [Мф. 6, 23]? И когда человек попытается честно ответить своему Творцу и самому себе на этот вопрос, то он непременно возжаждет подлинного, полноценного, истинного просвещения.

Так в чём же оно состоит – просвещение человека, нации, всего человеческого рода? Оно состоит в том, чтобы «дать уразуметь народу... спасение в прощении грехов»; в том, чтобы «просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги... на путь мира» [Лк. 1, 76-80]. Это определение принадлежит священнику Захарии, который произнёс его над своим новорождённым сыном Иоанном – будущим Пророком, Предтечей и Крестителем Господним. И когда прошло шесть месяцев после произнесения этих слов, тогда зимней ночью в городе Давидовом, в пещере для овечьего стада, Творец просветил мир Рождеством Сына Божия – Сына Человеческого, Богомладенца Иисуса.

И с этой поры, по слову апостола и евангелиста Матфея, который вторил древним пророчествам, «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» [Мф. 4, 14-16].

Мы много размышляем и говорим о том, как правильно воспитать умных и добрых детей, как удобнее вместить в юные умы нужные и полезные знания. И когда эта задача более или менее решена, нас особенно волнует проблема того, чтобы все эти накопленные сокровища не стали для них тяжким грузом, мёртвым в своей бесплодности.

И здесь христиане призваны напоминать своим словом и делом, своим трудом и всею жизнью своею, что лишь в Свете Божественной Христовой Истины посеянные зёрна согреваются, и прорастают, и раскроют листву, которая обрадует сердце, и принесут добрые плоды. «Свет Христов просвещает всех!» Именно христиане в этом мире призваны быть светильниками, чтобы освещать путь истины и жизни Светом Христа Спасителя.

Так, размышляя о событиях более чем двухтысячелетней давности, мы думаем о себе, о современном обществе, о нашей личной и общей истории. Возвращая в нашу современную жизнь имена и деяния минувших дней, мы отдаём нашим предкам и предшественникам долг благодарной памяти. И одновременно мы принимаем на себя полноту духовной ответственности за нынешние и грядущие времена, где «все и во всем Христос» [Кол. 3, 11]. Вот почему мы едиными устами и единым сердцем вторим словам древней Псалтири, которые направлены ко Грядущему в мир Спасителю: «У Тебя источник жизни; во свете Твоем мы узрим свет» [Пс. 35, 10].

**Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси**

НА ЖЕРТВЕННОЙ КРОВИ

Блаженны вы, когда будут поносить вас и звать и всячески неправедно злословить за Меня [Мф. 5, 11]

Итак, опять речь пойдёт о гонениях, но если раньше мы говорили о гонениях за правду, то здесь – о гонениях ради Христа. В прежних рассуждениях правда представляла собою систему христианского мышления и поведения, а здесь вся Правда Божия воплощена в Иисусе Христе. Оба эти уровня духовной Райской Пирамиды созданы из одинакового материала: это страдания за правду и страдания за Христа. И терзания эти настолько драгоценны для строительства дворца души, что Господь повторяет их два раза – и дважды награждает за них, как бы ставя две печати, которыми подтверждается истинность всех предыдущих добродетелей. Различие же в том, что в этом последнем случае говорится о страданиях более мучительных и пронзительных, чем те, что упоминались до того. Бесчестие, гонения, ложь, клевета, бранные слова – и всё это из-за Христа – наваливаются на верного христианина как последние и самые страшные искушения. Под таким давлением становится плоским и прочнейшим камень – и куда там противиться сердцу человеческому!.. Под таким напором волн выбеливается и самое грязное полотно – и разве уберечься душе человеческой?..

В заповеди этой говорится о мученичестве во имя Христа: человек, по доброй воле принимающий это мученичество, стяжает бесценный материал для возведения девятого уровня своей Райской Пирамиды. Те, что сумели отлично выстроить первые восемь уровней дворца своей души, ничего на свете не желают больше, чем от всего сердца отдать жизнь свою за Господа. Как живой огонь в Церкви Христовой всегда бессмертно сияла подобная жажда мученичества – со времён апостольских и до наших дней.

Когда апостола Андрея Первозванного язычники подвели к кресту, чтобы распять его, апостол воскликнул воодушевлённо и радостно: «О, сладкий крест, как долго я ждал тебя и мечтал об участии такой!..». И святой Антоний Великий, полный всевозможных добродетелей, имел в старости одно-единственное желание: быть мучимым и убитым за Христову Веру. Из-за этого он оставил свою пустынь и отправился в Александрию, где затеял спор с еретиками, готовый за Имя Господне погибнуть от их руки. Однако Промысел Божий был не таков, и Антоний тихо упокоился в своей пустыни.

Вообразите себе процессии христианских мучеников, идущих каждый на свою голгофу; представьте, как они в пути весело поют духовные гимны, будто шагают не на смерть, а на свадьбу. Миру не увидеть более чудесного примера за всю историю. Многие из тех мучеников долгие годы прилагали все силы на возведение Райских Пирамид своих душ – пирамид, которые теперь дивно сияют всеми девятью уровнями на вершинах духа. Некоторые из мучеников только начали подобное строительство и едва успели возвести уровень или два. Другие всего лишь день назад (а иногда лишь час назад) назвались христианами – и погибли за Христа. За их духовную жертву Господь наградит этих страдальцев дворцом души, выстроенным от первого уровня до последнего, ибо они были как те работники, которых Господь нанял к вечеру и дал им ту же плату, что и тем, которые трудились целый день...

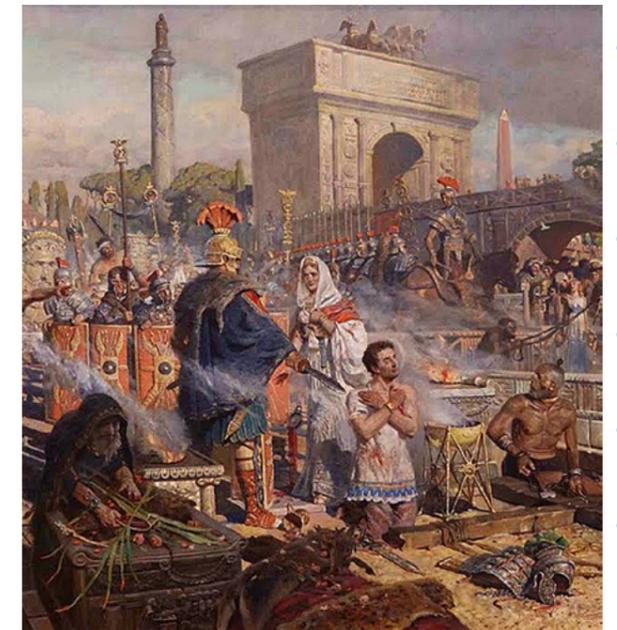
Святой Адриан был римским офицером, и он, поразившись жертвенностью и терпением христиан, сам стал христианином. «Ты, вероятно, сошёл с ума, Адриан?!» – спросил его император-язычник. – «Нет, повелитель, только теперь я обрёл истинный разум», – ответил мученик за Веру Христову.

И в наше время, как и прежде, существует мученичество, и продолжаются гонения за Веру Христову, и мучеников-христиан – множество. В России миллионы мучеников своей жертвой за Имя Божие засвидетельствовали и напомнили всему миру, что всё ещё длятся апостольские времена, и жатва Господня сегодня так же обильна, как и в былые времена.

Однако верующих мучают и преследуют и там, где нет официальных гонений на христианство. Например, соседку избил её муж-безбожник, обругав и выгнав на улицу лишь за то, что она верит в Бога и молится. Разве ей нужен гонитель христиан император Нерон, если в её доме проживает собственный «нерон», обрекший её на мученичество за Христа?.. Известен и случай, когда один гимназист вернулся из школы домой весь в слезах потому, что ученики ругали и высмеивали его, когда он сказал, что любит Иисуса Христа... Один солдат получил пощёчину за то, что перекрестился, встав в строй... Все эти люди – строители Райских Пирамид, и в мире ином они удостоются чести встать в необозримые ряды воинства угодников Божьих, которые ради Христа претерпели брань, издевательства, побои, клевету и даже самую позорную смерть.

Девятый уровень их пирамид будет весь выложен кроваво-красными блестящими рубинами, которые переливаются в чудесном сиянии Небес. На этом уровне свидятся и встретятся все, пострадавшие за Христа в этой жизни.

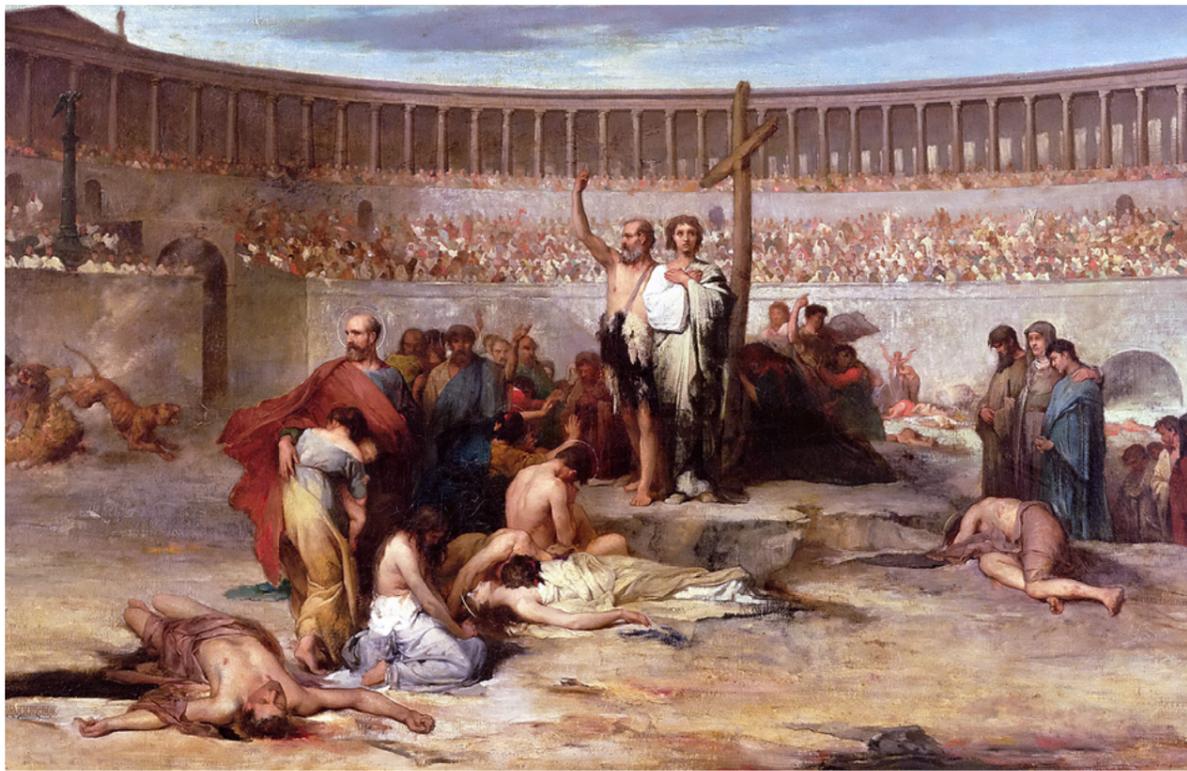
Святитель Николай Сербский

Павел Рыженко. Выбор веры. Святой мученик Георгий Победоносец (фрагмент). (2005 г.)

БАШНЯ РАДОСТИ

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах [Мф. 5, 12].

Эжен Тирион. Триумф Веры – христианские мученики во времена Нерона, 65 год н.э.

Детально и последовательно исследовали мы труд строителя духовной Райской Пирамиды. Девятым уровнем завершается она. Однако что-то видится и ещё выше, над ним – что-то, похожее на десятый уровень!.. Это нечто, высшее над девятым уровнем, напоминает некий маяк, который освещает всю Пирамиду, в основании которой смирение, а на верхнем уровне – мученичество. Над возведением того маяка трудится не человек: его ставит для человека Сам Господь – от Себя и по Своей любви. И этот светоч производит несказанное ликование в любой душе, стоит лишь душе его увидеть. И потому маяк этот называется Башней Радости.

И радость, и веселье, и награда! Да не та радость, что кончается – но радость бесконечная. Не то удовольствие плоти, что завершается горечью и разочарованием – но веселье духовное, которое означает вечную духовную усладу. И не та плата, что даётся подёнщику – но награда сыну; и не от хозяина-чужестранца – но от Отца; и не за отработанное время – но дар по любви.

Эта Башня Радости выглядит, скорее, спускающейся с Небес, чем поднимающейся с земли к небу. Ею Господь как бы нисходит навстречу человеку, возводящему дворец своей души. Поистине, Башней Радости Творец украшает и освещает всю нашу Райскую Пирамиду.

Башня радости вся сияет невиданным Светом, как один огромный и бесценный кристалл алмазный. Блистающие лучи освещают всё строение, от первого уровня до последнего, нежно объединяя отдельные части в живое неразрывное целое, в Свете этом сливаются вместе все уровни Пирамиды!..

Пусть никто не совершит ошибки и не увидит в возведении Райской Пирамиды строительство некой земной постройки.

Пирамида эта не материальна, но – духовна. Однако, несмотря на её нематериальность, она гораздо реальнее любого видимого человеческого глазами здания. Райская Пирамида, видимая с Небес вне тела человека, напоминает человека – но не любого человека, но Богочеловека, Самого Господа Иисуса Христа!..

Ибо в Царство Небесное не может войти тот, кто не похож на Иисуса Христа. Никто не может внести в него какую-то свою постройку, которая отличалась бы от строения, спланированного и заданного Господом.

А когда придёт нам черед разлучиться с земным телом, тогда мы ясно увидим – и мы увидим, и все ангелы Господни: узрим и уразумеем, что мы, как христиане, создали за свою жизнь, что построили, взяв в основание краеугольный камень – Иисуса Христа.

Вспомним слова угодника Божия апостола Павла: «Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит – тот получит награду. А у кого дело сгорит – тот потерпит урон» [1Кор. 3, 12-15].

Господу Богу нашему вечная слава и хвала. Аминь.

Свт. Николай Сербский

СЛАВА ТЕБЕ, ПОКАЗАВШЕМУ НАМ СВЕТ...

Чудны и прекрасны все творения Божии! Но из видимых созданий премудрого Творца нет ничего возвышеннее и прекраснее света! Свет первым явился при шестидневном устройении земли, чтобы давать жизнь и радость всем земнородным. И посмотрите, дорогие, с каким оживлением, с какой радостью встречают все, даже неразумные твари, появление дневного света после ночной темноты!.. Тем более нам, людям разумным, созданиям Божиим, следует каждое утро радостным, благодарным сердцем воздавать славу Творцу за дарование света, этого чудного, ни с чем не сравнимого дара Божия!

И вот, мы, христиане, предстоим в храме Господу за утренним Богослужением, от полноты души, с преклонением колен, взываем Подателю Света: «Слава Тебе, Показавшему нам свет!» – это возглас священника на утрене.

Слава Тебе, Светодавче, что Ты каждый день сподобляешь нас пользоваться этим бесценным, совершеннейшим даром, с которым ничто не сравнимо на земле, в котором отразились Твои Божественные совершенства! Оттого мы и дерзаем на нашем языке человеческом именовать Самого Тебя – Отцем Светов, Светом, в Котором нет «тьмы ни единыя» [1Ин. 1, 5]; именуем и Единородного Сына Твоего, Христа Спаса нашего, «Сиянием славы Отчей, Светом от Света, Светом, просвещающим всякого человека, грядущего в мир» [Ин. 1, 9].

Таковыми мыслями, такими чувствами должны быть проникнуты мы, все молящиеся в храме, при упомянутом возгласе и при пении Великого славословия: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение». В этом торжественном гимне Небо и земля как будто сливаются в один хор для достойного прославления и восхваления Божественной Троицы, особенно – воскресшего Господа Иисуса Христа. Здесь возносится и молитва наша ко Господу – «научить нас творить волю Его». Здесь мы как бы соединяемся с небожителями в поклонении Светодавцу, оканчивая песнь славословием серафимов: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!»

Будем же во умилении сердец наших возносить всегда хвалу и благодарение Отцу Светов – Богу нашему, показавшему нам свет чувственный и сподобившему быть причастниками Света Духовного в Единородном Сыне Своём. Станем молиться Ему: «Христе, Свете Истинный, Просвещающий всякого человека, грядущего в мир, да знаменуется на нас свет Лица Твоего, да в Нем узрим Свет Неприступный и да сподобимся зреть Его в невечернем дни Царствия Твоего».

Сайт-источник: orthodox.etel.ru

* * *

*Осень дышит мне в спину.
Родился таков.
Ни друзей и ни птиц –
все укрылись от ветра.
И не их в том вина,
что не стало деньков,
тех весёлых деньков,
нам отпущенных щедро.*

*Это просто любовь
собирает цветы
и пускает венки
в студенящихся водах...
Это просто ты вздрогнул
у тихой черты,
за которой уже –
и бессмертье, и отдых.*

*Просто время пришло,
дни такие пришли.
Вот и сын твой подрос,
твоя юная вечность.
Всё теперь хорошо –
поклонись до земли
своей странной судьбе
за её быстротечность.*

*Посиди над рекой,
поглядись в молоко
её утренних снов,
в их дыханье парное...
Никогда ты не видел
таких облаков
над своей головой
и своею странною!*

Алексей Шорохов

ПОД СВОДАМИ СЕРДЦА СИЯЕТ ЗВЕЗДА УТРЕННЯЯ

По поводу места из Книги Бытия: «и бысть вечер, и бысть утро, день един» [Быт. 1, 5] и дальнейших, этому близких – тех, где «день» определяется через «вечер» и «утро»...

Есть мистика ночи; есть мистика дня; а есть мистика вечера и утра.

Выйдешь безлунной ночью в сад. Потянутся в душу щупальца деревьев: трогают лицо, нет преград ничему, во все поры существа всасывается тайна мира. Мягкая, почти липкая тьма мажется по телу, по рукам, по лицу, по глазам – и огустевает, словно осаждается на тебе. И ты – уж почти не ты, мир – почти не мир, но всё – ты, и ты – всё. Точнее сказать, нет очерченной границы между мной и не-мной.

В корнях бытия – единство, на вершинах – разъединение. Это единство особенно чувствуется, когда идёшь по сельской дороге безлунной, беззвёздной летнею ночью. Движешься – прорезываешь густую смолу, а расширившиеся, вросшие друг в друга вещи так и мажут по щекам, по лбу. Первооснова сущего открыла глубины свои, и не знаешь – к чему нужна личность.

В ночь лунную размывается определённая природа. Деревья, кусты, дома, заборы – всё призраком готово стаять, колышется фосфоресцирующим облаком, но – вот вот растворится в ничто... Полная луна высасывает душу. Перекрестись, спрячься в тень – за угол дома или за дерево: «Сгинь, жестокая бесстыдница!»

В полдень же ещё страшнее. Оглядишься – кругом стоят в застывшем воздухе сухие испарения пашен: то земля «горит», говорят крестьяне. Знойные дыхания земли не колыхнутся. Беспощадное светило прибывает к растрескавшейся, обезвлажненной почве каждый лист, давит потоками тяжёлого света: то небосвод льёт ливень расплавленного золота. Даже пыль не пылит – гнетёт и её, покорную, стопудовый гнёт. Тяжко и жутко. В безвольном ужасе молчит всё, истомное, притихшее – лишь бы минул томительный час... Крикнуть хочешь – не смеешь. Да и не ты один: вся тварь ушла в себя, вся тварь, замерши, ждёт. Кажется, «бес полуденный» [Пс. 90, 6] не ласковой «беса полуденного».

Ни ночью, ни днём не раскроется душа...

На умирающем закате или на восходе, при ещё изумрудном прозрачном небе трепещет «иноного бытия начало». Золото заката, и набегающая живительная прохлада ночи, и смолкающие птицы, и вечерние пляски крестьян, и песни, и грустная радость благодатного вечера, и ликование свершающегося таинства – ухода... Всегда загорается в этой заре звезда – как надежда, как залог, как «иноного бытия начало».

Эта переживаемая, ощущаемая в сердце звезда – не прихоть мечты и не домысел рассудка. Посмотрите, в «Откровении» Иоанна Богослова читаем: «И побеждающему и соблюдающему дела Мои до конца, дам ему власть на языцах, и дам ему Звезду Утреннюю. Имеяй ухо слышати, да слышит, что Дух глаголет Церквам» [Откр. 2, 26-29]. Апостолу Иоанну вторит апостол Пётр: «Добре творите, дондеже день озарит и Денница воссияет в сердцах ваших» [2Пет. 1, 19]. И вероятно, в созвучии с Иоанном и Петром, апостол Павел об этих самых, в сердце зримых звёздах, пишет, что «звезда от звезды разнствует во славе» [1Кор. 15, 41]. «Разнствует»; но и разнствующие – это, однако, всё – Одна Звезда, – Та, что о Себе сказала: «Аз есмь корень и род Давидов, и Звезда Светлая и Денница» [Откр. 22, 16].

Но не одному «победившему» сияет эта Звезда: в слабом и грешном сердце она также мерцает и как лампада теплится под сводами его, в таинственной полумгле и в сумраке его пространств. Сойди

в себя – и узришь обширные своды. Ниже, оставь страх, спустишься в пещеру. Ноги твои ступят на сухой песок, мягкий и жёлтый, дающий отдохновение. Здесь заглушён шаг твой. Здесь сухо и почти тепло. Капли времён срываются со сводов и падают в глубины мрака. Гулкие переходы наполнены реющим звуком: словно бьют свои удары бесчисленные маятники. Как в мастерской часовщика, нагоняют и перегоняют друг друга неисчислимы ритмы, сплетаются и расплетаются. Упряго жужжат веретёна судеб. Сердца всех существ пульсируют в этих недрах. Тут, от мглы и лучей, рождаются все вещи мира. Тут ткётся – из ритмических колебаний быстрых и медленных, глухих и звонких, из гулов и пещерных отзвучий – живой покров, что называется Вселенной. Сюда, в утробу земли, собираются и звёздные токи, огустевающие в драгоценные камни. Тут-то, под пещерными сводами сердца, и воссияет Звезда Утренняя.

Вечер и утро особенно благодатны. В прежнее время, приезжая с ночным поездом из Москвы, я шёл обычно бродить по росистым лугам. Восток только начинал розоветь. И несказанная радость и чистота вместе с каплями, осыпавшими меня с какого-нибудь орешника, струились широкими потоками в душу, да и не в душу только – во всё существо. Каплею висела у горизонта Утренняя Звезда. Но знало сердце, что эта Звезда дрожит не вне его, не на своде небесном – а во внутренних пространствах самого сердца, расширенного до небосвода.

Вячеслав Палачёв. Заутреня. (2011 г.)

И, восходя в сердце, восходящая Звезда была прохладна, и девственна, и чиста.

Порою, вечерами, бродил я по холмам и лугам. Набегающая прохлада заката омывала душу от волнения и тревоги. Вспоминалось о том первозданном ветерке вечернем, в котором и которым говорил прародителям Создатель их; и это воспоминание пробегало по спине прохладным восторгом. Полузабытое и всегда незабвенное золотое время Эдема, как отлетевший сладкий сон, вилось около сердца, трепетало, задевало крылом – и снова улетало, недоступное. Грустилось о в веках – и где-то вечно живом, живущем и доныне. И благодатная грусть сливалась с влажным сиянием Звезды Вечерней, такой бесконечно далёкой, светящей из прозрачных изумрудных бездн – и такой близкой, заходящей в сердце. Где-то вдаль мерцала пастушья теплина. И милой была она. И мильми были все сидевшие возле неё. И, как ранее, в Звезде Утренней, так и теперь, в Звезде Вечерней, сердце любило – Кого-то.

Но скорби не проходили, всё уплотнялись. Они стали нестерпимыми, терзали до боли, до крика. Тусклым лучом пронизала Звезда; тягостны были слова утешения.

Потом мы стали ходить вечерами с Анной. Мы знали, что Ангел, в бережных объятиях, несёт нам радость, – нашего сына, Василия. Утраченный Эдем, не дававшийся памяти, как-то вспоминался в нашем мальчике. И Звезда Вечерняя – был наш мальчик, чрез небесные сферы нисходивший к нам, «грядущий в мир», и мальчик наш был

Звездой Вечерней, носимой под сердцем... Мы подарили ему Звезду, она стала его Звездой, но она оставалась и нашим сердцем.

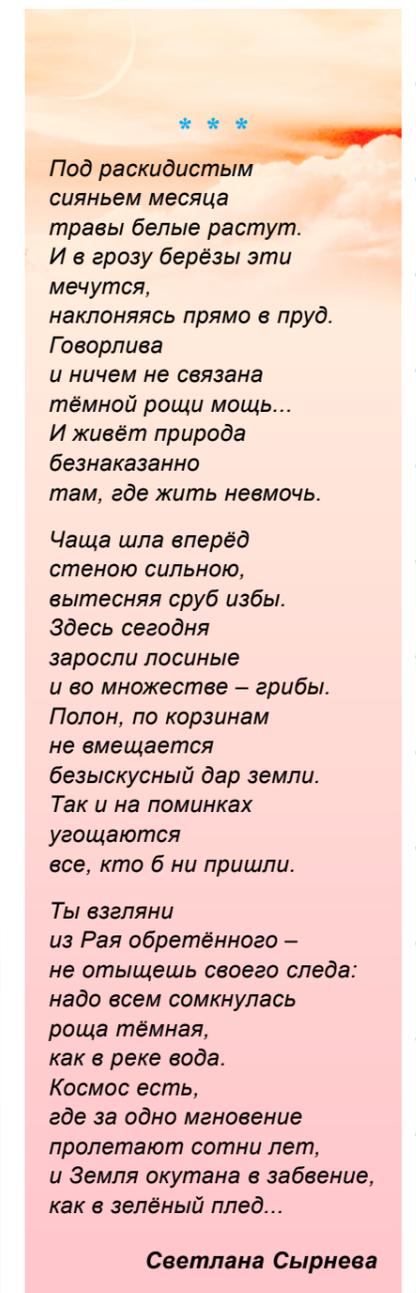
Прозрачная полумгла ниспадала на мир, но, сгущаясь в сердце, уплотнялась там в Звезду Утреннюю – в Жемчужину. В сыночке просвечивал потерянный Рай; забывалось тоскливое Древо познания добра и зла. Муки не исчезли – лишь смягчились и расстилались в сердце беспредельным морем. Но над пучиною скорбей сияла под сводами сердца Звезда Утренняя, и в её лучах волны рассыпались длинную жемчужною полосой. И всё было хорошо: скорби, радости. И всё было грустно...

Потом Милосердный Господь дал мне стать у Своего Престола, приняв сан священника. Вечерело. Золотые лучи ликовали, и торжественным гимном Эдему звучало Солнце. Безропотно бледнел запад, куда был обращён Алтарь, расположенный высоко над землёю: церковь, в которой я определился, оказалась направленной не на восток, а на запад (напротив Обители), на преподобного Сергия – ориентирована на Сергия. Тут мне дано созерцание красоты заката и Лавры.

Гряда облаков простиралась над Лаврой – как нить жемчужин. Из алтарного окна видны были чёткие дали, и Лавра высилась как горный Иерусалим. Всенощная... «Свете Тихий» совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее Солнце. Сплетались и расплетались древние, как мир, напевы; сплетались и расплетались ленты голубого фиамиа. Ритмически пульсировало чтение канона. Что-то в полумгле

вспоминалось эдемское, и грусть потери таинственно зажигалась радостью возврата. И на «Слава Тебе, показавшему нам Свет» знаменательно приходилось наступление тьмы внешней, которая тоже есть свет, и Звезда Вечерняя сияла тогда в алтарное окно, а в сердце опять восходила неувыдаемая радость пещерного сумрака. Тайна вечера соединялась с тайной утра, и обе были – одно. В эти краткие припоминания чего-то, что было и что живёт у недр бытия – в эти миги Денница лучилась и сияла сердцу.

По тексту Павла Флоренского «На Маковце»

Под раскидистым сияньем месяца травы белые растут. И в грозу берёзы эти мечутся, наклоняясь прямо в пруд. Говорлива и ничем не связана тёмной рощи мощь... И живёт природа безнаказанно там, где жить невмочь.

Чаща шла вперёд стеною сильною, вытесняя сруб избы. Здесь сегодня заросли лосиные и во множестве – грибы. Полон, по корзинам не вмещается безыскусный дар земли. Так и на поминках угощаются все, кто б ни пришли.

Ты взгляни из Рая обретённого – не отыщешь своего следа: надо всем сомкнулась роца тёмная, как в реке вода. Космос есть, где за одно мгновение пролетают сотни лет, и Земля окутана в забвение, как в зелёный плед...

Светлана Сырнева

Вячеслав Палачёв. Утренняя роса. (2011 г.)

НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ...

12 сентября н.ст. – день обретения честных мощей св. блгв. кн. Даниила Московского

Князь Даниил Московский – младший сын прославленного Александра Невского – много сил отдал становлению нашей государственности. Как и его отец, перед земной кончиной Даниил принял иноческий чин и, по глубокому смирению, завещал совершить погребение своё на братском кладбище основанной им обители в честь преподобного Даниила Столпника, впоследствии получившей название московского Данилова монастыря. В течение нескольких веков у мощей князя Даниила, находящихся в обители под спудом, происходили различные чудеса, а сам святой благоверный князь не раз напоминал о себе и о месте своего погребения. Обычай совершать ежегодный Крестный ход к могиле святого Даниила Московского установил Иван Грозный. Он же повелел служить по благоверному князю панихиды.

Нетленные мощи святого благоверного князя Даниила были обретены при государе Алексее Михайловиче. По свидетельству современников, в год обретения мощей от них происходили «многие чудеса и исцеления». Тогда же благоверного князя Даниила Московского причислили к лику святых, и ему было установлено общецерковное празднование **17 марта** (в день блаженной кончины) и **12 сентября** – в день обретения его нетленных мощей.

С тех пор прошло не одно столетие. Православная Россия, как никакая другая держава, пережила немало. После 1917 года настали тяжкие богоборческие годы, когда безбожная власть пыталась искоренить не только Веру в народе, но и само упоминание о ней. Но что могут сделать тщетные и жалкие попытки человеческие? Господь поругаем не бывает...

В самый разгар Великой Отечественной войны по всей нашей стране стали открываться православные храмы и святые обители, а их небесные покровители – наши православные святые, отцы преподобные – как будто становились в единый строй с земными защитниками Отечества. Известно множество случаев, когда русские святые являли себя миру. Об одном из таких явлений святого благоверного князя Даниила Московского рассказала матушка Сергия, в миру – Татьяна Ивановна Клименко.

В годы войны Татьяна Ивановна работала в Вышнем Волочке в туберкулёзном диспансере. Вот о чём она вспоминает: «Однажды утром бежит ко мне верующая санитарка, протягивает газету: «Татьяна Ивановна, смотрите!...» – Я беру в руки газету и глазам своим не верю!

Аполлинарий Васнецов. Московский Кремль. (1897 г.)

Меня даже пошатнуло, когда я прочла слова Сталина о том, что он находит своевременным открытие церквей, семинарий и академий. Многие коммунисты насупились и недоумевали, а мы радовались. Мы не могли поверить – ведь что мы пережили! Накануне войны за одну фотокарточку отца Иоанна Крондштадского арестовывали! Так что Сталин, несомненно, пережил что-то близкое к откровению».

Такой поворот в душе Иосифа Виссарионовича совершил святой князь Даниил Московский. Что же произошло?

В 1941 году, когда немцы были уже в Химках, из Москвы хотели вывезти мощи благоверного князя Даниила. В ночь на 23 ноября (6 декабря), когда Иосиф Сталин остался один в своём кабинете, князь Дании Московский явился главе государства и сказал: «Я хозяин Москвы, не трогайте меня, иначе всем плохо будет – и вам, и столице русской». Утром Сталин вызвал к себе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), и сказал ему, что находит своевременным открытие церквей и духовных учебных заведений...

Уже позже, после войны об этом чудесном явлении Сталину святого князя Даниила Московского Татьяна Ивановна рассказала архимандрит Иеремия (Лебедев), казначей патриарха Алексия I, когда Клименко приехала в Москву. Кроме того, от отца Иеремии она узнала следующее: уже после смерти генсека, по приезде Святейшего за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду по Сталину – безбожнику. Патриарх же во всеуслышание ответил: «Я служил не за безбожника»...

Сборник «Чудеса на дорогах войны»

ТЕМ, КТО ЖДЁТ И ХРАНИТ МЕНЯ

Часть третья. Окончание

В Самгородке Казатинского района Винницкой области, куда загнала нас фашистская оккупация, мы оставались до 1944 года, пока не пришла Красная Армия-освободительница.

Сначала жили просто под открытым небом, потом нас определили ночевать на конюшне, а к самой зиме поселили в пустую полуразрушенную избу с глиняным полом. Оказалось, это хата украинца, сбежавшего с семьёй от Советов. В пустой развалюхе было холодно, темно и жутко, зимний ветер свистел в щелях; не на что были ни присесть, ни прилечь. Мама и тётушки где-то разыскали старые доски, палки и немного соломы; сделали что-то вроде настила, чтобы не валяться на земле, чуть соломки под бок и чуть сверху – вот и вся постель, больше постелить на эти нары нам было нечего... Заснуть невозможно – и от холода, и от голода. К тому же при наступлении темноты, что ни ночь, самгородские жители камнями били нам стёкла, кляли «поганных москалей», как будто мы по своей воле к ним прибыли... Маме не раз пришлось разыскивать какие-то старые листы ржавого железа – ими и пытались кое-как прикрыть зияющие оконные проёмы.

Как же ненавидели нас здешние «братья-славяне» – хохлы-западенцы! Среди них оказалось полно изменников: мужики чуть не поголовно сдались в плен к немцам, надели фашистскую форму и с

радостью работали полициями, издеваясь над всеми нами, попавшими в плен и бедствующими в неволе «русскими оккупантами», завезёнными на эти земли в качестве бесплатной рабочей силы. Маму, обеих тётушек и Ивана Степановича ежедневно гоняли на работы; детей по зиме оставили в покое. Меня же местные дети ежедневно лупили – просто так, безо всякой причины, обзывая то кацапкой, то жидовкой, поскольку я была темноволосой и кареглазой. Говорить по-русски никому не разрешали, да не просто запрещали, а тоже с побоями: или «розмовляй» по-украински, или по-немецки изъясняйся. С тех пор эти края ненавижу из-за населявших их жестоких хохлов-предателей.

Родные мои работали-горбатились с раннего утра до ночи; мама упростила местных заправил, чтобы мне разрешено было посещать их школу – пришлось идти. Почти по всем предметам сначала имела я оценки «погано» и «дуже погано» («двойка» и «единица», то есть «кол»). Исключением была арифметика, где приходилось работать только с цифрами и числами – там получала «добрэ» («хорошо», то есть «четвёрку»). Детское сознание восприимчиво: за два с лишним года, проведённых в фашистско-украинском плену, я так насобачилась брехать по-ихнему, что стала, кажется, забывать родной русский язык. И на экзамене в конце учебного года, весной, по «украинской мове» получила «видмінно»

(«отлично» – «пятёрку»), прочтя наизусть «байку» (басню) Крылова «Вовк та ягня» («Волк и ягнёнок»): «На свити вже давно ведётся, що нищий пэрэд выщим гнётся», и т.д. Сколько лет минуло, а помню до сих пор – и этот язык с той поры живёт в голове, как засевавший осколок мины... Помню, мама, тётушки – всё время меня там просили: «Томочка, помни: ты русская, хоть с нами говори по-русски!...».

Бытовуха наша, «оккупантская», была тяжелейшая: есть не только нечего, но и нечем – ни ложек, ни вилок, ни какой-никакой посуды; обуться, одеться, прикрыться – тоже нечем. Я и Вероника Пискунова, племянница Ивана Степановича, каждое утро с подранным мешком совершали поисковый рейд по помойкам местных жителей, собирая выброшенную ими мёрзлую кожуру от картошки, искали палки и сучья для костра. А вечером от взрослых получали «драники» – оладьи, приготовленные из собранных отходов. Из мёрзлых шкурок они выпекались на костре на подобранной на мусорке же ржавой жестянке... О, какими же они были вкусными, эти драники!.. Какие чудеса кулинарии применялись для этого мамой и тётушками? Запивали лепёшки кипятком из найденных консервных банок, вместо ложек и вилок использовали палочки и прутики.

Но голод и холода сделали своё, и меня настигла болячка – ужасное испытание: на левой, раненой ноге воспалился седалищный нерв.

Павел Рыженко. Начало войны 1941 года (левая часть диптиха). (2011 г.)

Боли начались страшные, нестерпимые. Я орала от них благим матом днём и ночью, умоляла пилой отпилить мне ногу. Конечно, никаких врачей, никакого лекарства нам не полагалось. Лечила меня только тётя Таня – добрая, светлая душа! – простейшими доступными средствами: прикладывала к больной ноженке либо горячую золу от костра, либо нагревала камень и растирала мою ногу, что-то приговаривая, шёпотом молясь и уговаривая потерпеть...

После ранения и болезни нога эта стала как будто короче, я долго хромала, и много времени прошло, прежде чем всё пришло в норму. Уже как-то значительно позже, помню, я увязалась с мамой куда-то в соседние края на барахолку – маме надо было, отработывая грузчицей, приобрести то ли обувь мне, то ли одёжку; и как-то выдержала я путь – 25 км туда, и столько же обратно?..

А местные полицаи измывались над нами с видимым удовольствием. У них была зверская игра, которой они забавлялись довольно часто. Нас всех сгоняли, выстраивали перед комендатурой кругом – и взрослых, и детей. Потом выбирали несколько жертв – воображаемых «партизан», обматывали им паклей пальцы рук и ног, обливали паклю бензином и поджигали. А всех остальных заставляли смотреть на этот ужас – кричащих, воющих от боли, заживо горящих людей. Мама однажды велела мне закрыть глаза, но полицаи орала, грозили смертью и заставляли всех нас наблюдать за этой сценой до самого конца... Помню!

Неожиданно в середине зимы в хату, где нас определили жить, вернулись из бегов хозяева: сам хохол, его толстенная жена и четверо упитанных детей. На улице ещё стояли холода, но им-то что? Нас в тот же час с побоями и дикими воплями выгнали на мороз. Измывались, кидали вслед наши жестянки и старые доски, угрожали... И пошли мы по деревне, сами не ведая, куда. Долго бродили в поисках, наконец, прибились к небольшой пустующей хате на краю Самгородка: хозяйка её, «баба Варька», обитала где-то в другом селе. Там и стали жить. А семья, что выгнала нас на мороз, почти вся и погибла, и очень быстро; в живых осталась одна девчонка тринадцати лет. Старшая дочь, восемнадцатилетняя, умерла от чахотки: её прятали в погребе, чтобы не забрали на работы в Германию. Хозяйку с младшим сыном вместо дочки угнали-таки немцы к себе, там они и сгинули. Ещё одного сына, пятнадцатилетнего, фашисты на чём-то поймали и повесили, помнится (это он жестоко, свирепо бил меня тяжелой палкой, когда выгонял нас из дому). Вот так и пришло возмездие: «Мне отмщение, и аз воздам»... Было жутко, и даже жалко стало мне наших мучителей и гонителей. А родные мне сказали: «Смотри и запомни: Бог всегда карает за жестокость и несправедливость...».

Время шло. В войне наметился перелом, советские войска стали освобождать нашу землю от врага, а взбешённые украинцы-бандеровцы ярились всё больше.

Родители батрачили в поле, едва обеспечивая нам пропитание.

Если мы, голодные дети, пытались собирать оставшиеся на голой земле колоски, безжалостные полицаи открывали по нам огонь. Господи, сколько же пережить за этот период плена!.. Я без конца болела: простужалась, застудила лёгкие, постоянно кашляла. Матушка моя, Мария, таскала на спине пудовые мешки с зерном, грузила на машину, работала ещё сверх нормы на частных огородах, чтобы хоть как-то подкормить меня, подлечить. Но когда она подходила к хозяевам огородов с просьбой: «Дайте хоть стакан молочка моей больной дочке, я отработаю» – перед нею захлопывались окна и двери: «Нэма нычога». А дворы были богатые, зажиточные, везде был домашний скот – но так от хаты к хате и ходила мама со слезами на глазах и возвращалась с пустыми руками, чёрная, обессиленная...

Но вот настал долгожданный счастливый день освобождения. Линия фронта, выдавливая фашистов к западным границам, двигалась прямо на нас; теперь нас снова бомбили свои – уже наступающая Красная Армия. Снова было жутко слышать, как с завыванием, словно переворачивая всё внутри – все потроха! – лупила по фашистам наша знаменитая «катюша» (я знала, что выпускается это оружие на нашем воронежском заводе «Коминтерн», и страшно этим гордилась!..): шестнадцать снарядов, один за другим ложились в полуметре друг от друга!.. И все мы радовались этому близкому бою, смотря из окна в хате, как драпали немцы и полицаи от залпов «катюши». Было ли страшно? Да.

Павел Рыженко. Судьба человека. 1941 год.

Но для меня, прошедшей через страдания девчонки, это был уже второе пребывание прямо на линии фронта, и теперь наши – наши! – шли вперёд и гнали врага!.. И больше страха было чувство гордости и радости за наших солдат, за нашу армию, за отвоёванную землю...

Вот наши войска вошли в Самгородок, вот идут грязные, измученные русские герои – идут по дороге на запад. Все мы кинулись к ним навстречу – плачем, обнимаем... Эту картину невозможно описать – её можно только пережить, пропустить сквозь душу и сердце, чтобы понять: что это было для нас, пленённых, униженных и оскорблённых.

И надо же произойти такому! Снова именно в нашей хате расположился штаб, только теперь – советский. Я, так случилось, опять оказалась в центре внимания. На коротком отдыхе красноармейцы садились за длинный деревянный стол и просили меня: «Ну, Томочка, запевай...». Я знала все военные песни, и мы вместе пели, а один молоденький лейтенант аккомпанировал на аккордеоне. Меня, певунью, заметил один солдат-грузин, Давид Чхартишвили: всё меня дочкой звал, хвалил за песни, даже письма потом писал, почти до конца войны (сохранилась где-то и открытка от него). Не знаю, остался ли жив он, мой «грузинский папа», или погиб перед самой Победой? Многие ещё в той войне погибли, пока не сломили врага...

И в эти, уже овеянные надеждой дни, меня снова чуть не убило. Я сидела в доме, на печке, а красноармейцы внизу, кружком – о чём-то совещались. Вдруг началась бомбёжка. Бомба упала на огород за нашей хатой. Её осколок размером с ладонь, убив соседскую корову в пристроенном к хате хлеву, прошил стену в полуметре от меня, упал, никого не задев, в круг красноармейцев и застрял в глиняном полу... Все так и ахнули. Но, слава Богу, ни я и никто не пострадал. Господь снова меня уберёт.

Как тяжело писать об этом! Я никому не желаю войны и смерти на ней...

А тем временем застуженные лёгкие дали о себе знать: я снова разболелась. Опять разбушевался кашель, поднялась высоченная температура, начался бред. Мне родные потом рассказывали, что когда в эту пору ко мне, в горячке и

бреду, подходили с каким-либо вопросом, я всем звонко и отчётливо говорила: «Прочь от меня, коричневые гады!..».

«Нашу певунью, – забеспокоились в штабе, – надо срочно лечить» (вот и опять музыка меня поддержала, спасла!). А самим-то им, солдатушкам, со дня на день снова в бой!

И понесли мне из медсанбата пузырёчки с рыбьим жиром... Врач, однако, сказал, что этого недостаточно: надо отпаивать меня жиром собачьим, да не от одной, а от двух собак, и только тогда я смогу оправиться от болезни. Солдаты нашли жирного кобеля, убили его, показали маме, как правильно обобрать шкуру, как жир натопить... И всё на этом жиру готовить. А когда собачий жир закончится, велели убить ещё одного пса, и продолжать меня жиром его откармливать, пока всё не съём – а сами дальше ушли, на запад.

Потом обо всём этом я узнала. Со второй собакой мама расправлялась уже сама. Ой, матушка, как же ты сумела всё это преодолеть! Оттого, верно, и прожила недолго, сердце надорвала – в пятьдесят девять всего-то лет от разрыва сердца и скончалась...

Вот говорят в народе о знатоке чего-либо: он на этом деле собаку съел. А я, съев двух собак, поднялась на ноги и одолела смерть. А местные лживые и коварные украинцы-хамелеоны, как только вернулась наша армия, резко изменили к нам отношение: стали с улыбкой да заботой носить по очереди мне молочка: лечите дочку! Влезли волки в овечью шкуру...

Когда я поздоровела, стали мы думать, как вернуться в Воронеж,

в родные края. Сначала туда уехала тётя Зина, она нам и сообщила, что город полностью уничтожен, все дома разрушены, жить негде, и посоветовала нам: лучше добираться сразу до Сибири, к родне, там и пережить хоть год у Варвары, родной сестры моих тётушек и мамы. На том и порешили. Всё, что удалось взять с собою из Самгородка – мешок вкусных сухих груш...

И вот, отправились мы в далёкий путь. Кругом разруха и нищета, искалеченные люди. Добирались долго, с бесконечными пересадками, мучительными ожиданиями на полустанках, поисками хоть крохотного места в переполненных поездах...

Сибирские родственники, однако, нам не обрадовались. В далёком тылу и само понятие «война», и тяжкие потери, и напряжение всех жизненных сил, и быт военный – всё это их миновало: ни бомбёжек, ни обстрелов, ни разрушений, ни изнурительного голода. Правда, мужчины были мобилизованы на фронт, но в остальном существование было вполне стабильным.

Тётя Варвара Васильевна жила в городе Тулун Иркутской области со своими тремя дочками в большом доме, имела корову и ни в чём не нуждалась. А тут мы – голодные, нищие, больные – только с неполным мешком груш в придачу, свалились, как снег ей на голову... Беспокойство!

Конечно, и мама, и тётя Таня тут же устроились на работу: мама – воспитателем в детский дом, куда я бегала каждый день обедать, чтобы не обременивать тётю Варю; а тётя Таня – бухгалтером в лесхоз. Меня приняли в пятый класс местной школы. Трудно было, но – всё равно хорошо. Я побывала в ранней юности в Сибири с её 50-градусными морозами, в таёжных лесах, с огромными соснами, кедрами, лиственницами, с голубикой-ягодой, с красивыми северными цветами, общалась с бурятами и эскимосами. И так радовалась необыкновенному раздолью, в котором словно разлит был негнбимый русский дух... А главное – здесь я встречала праздник Победы 9 мая 1945 года!

Слава тебе, свет нашей Победы! Слава Тебе, Господи, показавшему нам Свет!..

Тамара Харченко (Иванова)

ИСТОКИ СВЯТОГО НАЧИНАНИЯ

Владимир Нестерков. Приезд Святителя Иоасафа Белгородского в Грайворон в 1754 году. (2008 г.)

Сто десять лет назад, **4/17 сентября** 1904 года были обретены мощи святителя Иоасафа Белгородского. Инициатором канонизации святителя был император Николай II. Путь обретения мощей святого Иоасафа описывается в статье епископа Никодима (в миру – Александра Михайловича Кононова), который в течение долгих лет собирал различные материалы о Белгородском Божием угоднике. Она была опубликована в «Курских епархиальных ведомостях» в 1911 году, и часть её, посвящённая непосредственно великому событию обретения мощей святого Иоасафа Белгородского, предлагается читателю.

«В настоящее время обнаружено послание Святейшего Синода о предстоящем прославлении святителя и чудотворца Иоасафа в Белгороде 4 (17) сентября текущего года. Давно уже ждала Святая Русь этого великого торжества. Давно уже делались попытки по открытию мощей святителя – прославленного чудотворца, мощей, открыто почивавших чуть не с самой его кончины.

Святитель Иоасаф почил тихо о Господе 10 (23) декабря 1754 года в Грайвороне, в загородном архиерейском имении того времени, был перевезён в Белгород, однако погребён там только 23 февраля (8 марта) 1755 года. Причиной замедления в погребении была невозможность преосвященному, Переяславскому Иоанну (Козловичу) за разливом рек прибыть в Белгород своевременно. Но это обстоятельство оказалось к славе почившего: скоро осиротевшая паства увидела нетление святителя Иоасафа. В пещерке у его гроба с нетленным телом было много исцелений. Поэтому неудивительно, что вскоре же после погребения, не позже двух лет, клирики Троицкого собора, где был погребён святитель Иоасаф, открыли склеп и бывший там гроб, увидели нетление тела святителя – и с той поры земля уже не заключала в свои недра этого гроба...

С самой кончины святителя начались благодатные знамения его загробного блаженства и ходатайства за страждущих. К гробу святителя Иоасафа потекли струи народной мольбы. Кто бывал в Белгороде – бывал и у гроба святителя Иоасафа: простые и знатные, духовные и светские.

По преданию, Александр I посещал этот уголок. Ещё ранее в посещение государем Белгорода в 1815 году при преосвященном Феофисте было начато дело о признании святителя в лике святых. Ранее преосвященный Феофист относился очень сомнительно к народному прославлению угодника Христова и приказал, запечатать вход в часовенку, но скоро отменил это распоряжение. Сам святитель Иоасаф явился ему во сне и сказал: «Что ты меня гонишь?» Когда государь побывал в Белгороде, надежды почитателей святителя Иоасафа укрепились, начато было ходатайство о прославлении его. Но дело кончилось неудачно. Святейший Синод, опираясь на то, что чудеса не обследованы и гроб был открыт самовольно, оставил ходатайство без удовлетворения. А слава святителя увеличивалась, чудеса умножались. Вера народная крепла. Были изданы портреты святителя, краткое житие; широко распространены списки молитв: святителя и святителю...

Так шло дело до назначения в Курск Высокопреосвященного Питирима (Окнова), который ещё раньше, служа в Петербурге, был почитателем святителя Иоасафа, а с самого прибытия в Белгород озабочился приготовлениями к прославлению его. В 1904 году исполнилось полтора года со дня блаженной кончины угодника Христова. По этому случаю Высокопреосвященный сделал предложение консистории почтить память святителя торжественным заупокойным Богослужением по всей епархии. Совершив торжественно поминовение святителя в Белгороде, Высокопреосвященный тем ещё более ясно высказал своё упование.

Озабочиваясь подъёмом упавшего во всех отношениях монастыря и прославлением угодника Христова, он возбудил дело об открытии Белгородского викариата и представил на это место своего ученика по Киевской семинарии, тогда настоятеля Афинской миссии, архимандрита Иоанникия. Ходатайство Святейшим Синодом было удовлетворено, и архимандрит Иоанникий был хиротонисан во епископа Белгородского 3 июля 1905 года.

Истинно, сам угодник Христов руководил в этом выборе. Преосвященный Иоанникий все силы вложил в дело подъёма и благоустройства монастыря, первое же и самое главное внимание им было обращено на раку святителя Иоасафа. Тихо, скромно, без всякой рекламы и шума, он постоянно стал служить сам панихиды у раки, исполнять народные мольбы о помощи, украшал раку, монастырь поднимал из развалин – и тем могуче содействовал проведению в жизнь тех благих начинаний, какие были сделаны Высокопреосвященным Питиримом.

Слава угодника стала расти всё более и более. Мысль о его прославлении становилась достоянием и предметом сердечных пожеланий многих и многих сердец. В этих чаяниях сошлись и Курский край, и далёкая столица. В Петербурге группа почитателей стала

заниматься собиранием сведений о святителе Иоасафе, и труд князя Н.Д. Жевахова навсегда останется памятником этого редкого воодушевления. Возникли просьбы от разных групп и городов о возбуждении ходатайства перед Святейшим Синодом о прославлении святителя. Ходатайства эти курским епархиальным начальством представлялись в Святейший Синод.

И настал час, радостный для всех почитателей угодника Христова. По поручению Святейшего Синода, Курским архиереем в сотрудничестве с Преосвященным Иоанникием и другими лицами были освидетельствованы мощи и исследованы чудеса святителя Иоасафа. Нетление мощей ясно показало основательность ходатайств. Святейший Синод доложил государю императору. И пламенноверующая ревность государя, посетившего Белгород в 1904 году и молившегося у мощей святителя Иоасафа, завершила святое начинание. Грамота-послание Святейшего Синода, точно удары воскресного колокола, радостно зовущего в храм на молитву, всё далее и далее в самые глухие закоулки великой нашей Родины несёт радостную весть и зовёт к молитве новому чудотворцу Русской Земли.

Епископ Никодим (Кононов). Из газеты «Курские епархиальные ведомости», № 23, 10 июня 1911 г.

Стопятидесятилетний старец-священник совершает Литургию в походной церкви, а святитель Иоасаф во время Литургии молится в алтаре.

4 мая 1904 г. Е.И.В. Государь Император Николай Александрович прибыл в Белгород и при посещении Св. Троицкого Собора склонил чело пред ракой святителя Иоасафа.

РАСПРАВЬ КРЫЛЬЯ!

Нам следует избегать мирских вещей, чтобы они не пленяли нашего сердца. Будем пользоваться вещами простыми, такими, чтобы они лишь обеспечивали наши потребности. Не ограничивайте молитву только словами – сделайте всю свою жизнь молитвою к Богу.

Человек духовно летит при помощи двух крыльев – Воли Божией и воли собственной.

Одно крыло – Свою Волю – Бог навсегда даровал нам, приклеил к одному из наших плеч. Но для того, чтобы лететь духовно, нам нужно вырастить и приклеить к другому плечу и своё собственное крыло – волю человеческую... Мы будем двигаться в духовном пространстве, только если наши устремления будут противоположны мирским.

Старец Паусий Сягогорец

О ПРИНЦИПЕ НАСЛАЖДЕНИЯ И МИРЕ ДУШЕВНОМ

Стремление к комфорту, максимальному удовлетворению потребностей сделалось знаменем нашего века; всеобщая тяга к наслаждениям стала приводным ремнём нашей цивилизации. Всякое желание сердца ныне считается естественным, его удовлетворение – законным. Все виды страстей – разврат, чревоугодие, сребролюбие, тщеславие, гордость – каноны зирваны, возведены в достоинство общепризнанных «норм человеческого бытия». Оплошались, измельчали общественные идеалы; по выражению одного современно-го богослова теперь это – желание аскариды – паразитического червя, по сути состоящего из одной мощной пищеварительной системы. Это желание – кишеть в изобилии материальных и культурных благ. Хиреют души, истомлённые погоней за соблазнами.

Французский поэт Шарль Бодлер писал: «Странный жребий: бежать к убегающей цели, к ней, везде и нигде и всегда никакой, слепо веря при этом почти с колыбели, что найдёшь в лихорадочном беге покой»...

Высокие устремления, жертва, подвиг, благородство, да и вообще всё, требующее усилия, более не по плечу современному человеку. Не случайно слово «расслабиться» стало одним из ключевых в городском сленге. Такого рода усталость – одряхление душ – есть закономерный итог процветания культа тела, культа страстей. Святые Отцы единомысленны в том, что сластолюбие и всякая иная страсть умерщвляют душу. Впрочем, не только Церковь утверждает это. Даже Зигмунд Фрейд, этот, как его называли, «апостол распушенности», в своей ранней работе «По ту сторону принципа наслаждения» показал, что стремящийся к наслаждению тем самым тяготеет к саморазрушению.

Всякому человеку когда-нибудь, рано или поздно, должна открыться эта истина: удовлетворение своих похотей ничего не приносит ему, кроме лжи и утраты душевного мира. Парадокс в том, что осознать это могут скорее люди сильных страстей: не случайно в Рай первым вошёл покаявшийся разбойник, казнимый за уголовные преступления, а мытари и блудницы, по словам Христа, должны были опередить фарисеев в Царствии Божием.

Беда нашего времени в его мелкотравчатости: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч: о, если бы ты был холоден или горяч» [Откр. 3, 15]; нынче не страсти а страстишки – то, что ещё в XIX веке именовали любовным недугом, утратило романтический флёр и превратилось в секс, ставший предметом потребления, как шампунь от перхоти или пресловутые прокладки; дайджесты, комиксы и телевидение почти свели на нет литературу; низкое корыстолюбие рядится под прагматизм, а редкие убогие и не бескорыстные податки толстосумов или лукавых заокеанских «братьев» именуется благотворительностью. Но ничто, может быть, не подверглось большей, так сказать, девальвации, чем брак.

Добрачное и внебрачное незаконное блудное сожитие сделалось теперь вполне обыкновенным; напротив, девство и взаимная преданность супругов нередко становятся объектами скабрёзных насмешек. Мир сей, где дух блуда собирает обильную жатву – этот мир отторгает целомудрие как органически ему чуждое. А целомудрие без церковности, не ради Христа, оказывается ни на чём не утверждённым: нет в мире ничего, на что оно могло бы опереться. Лишь о Господе брак, по выражению апостола Павла, становится честным, и ложе – нескверным. И, отражая в супружеской

любви Любовь Христа к Его Церкви, превращается в прибежище мира, тишины и чистых радостей.

Враг рода людского, вечно пытающийся воспрепятствовать нашему спасению, покусается осквернять и честные браки. Среди арсенала его козней не последнее место занимает практика контрацепции: применение противозачаточных средств, позволяющих, по мнению их создателей, разделить, разобщить причину – соитие мужа и жены – со следствием – зачатием, если Бог даст, новой жизни. Без прикрас девиз контрацепции таков: «Получай удовольствие и ничего не давай взамен». Неужели и действительно – ничего не надо?

Различают контрацепцию гормональную, механическую и биологическую. Первая – применение медицинских препаратов на основе женских половых гормонов – извращает нормальное функционирование женского организма. Как ни совершенствуй их состав, абсолютно безвредными стать они не могут и нередко провоцируют болезни печени, вен, ожирение и даже злокачественные опухоли.

Другой метод контрацепции представляют так называемые внутриматочные спирали. Они допускают зачатие, но препятствуют прикреплению оплодотворённой яйцеклетки ко дну матки. Раздражение полости матки инородным телом

Сергей Чухрычков. Воскрешение отрока преподобным Сергием Радонежским. (1999 г.)

приводит к хроническим воспалительным процессам, существенно влияющим на общее здоровье женщин.

На презервативы ныне возлагают надежды как на реальное средство предотвращения СПИДа, венерических заболеваний, нежелательной беременности. Но исследования последних лет показали, что в Америке и Европе презервативы, несмотря на массивную рекламную кампанию, не остановили ни эпидемии ВИЧ-инфекции, ни распространение сифилиса. Они даже повышают степень риска, внушая иллюзию безопасности.

И, наконец, биологический метод – он состоит в вычислении дней, когда зачатие невозможно, но степень эффективности его достаточно низка. Господь посмеивается над такими «расчётами», подавая незадачливым супругам не то, чего они ждут – наслаждения, но то, что Ему угодно.

Последствия применения контрацептивов негативно сказываются не только на физическом, но и на духовном здоровье. Любая, даже маленькая ложь, оставляет на душе отметину; крохотная трещина может со временем, при бесовском споспешествовании, превратиться в бездонную пропасть. Хрупок мир душевный – но его отсутствие подрывает самые основы жизни души: она делается почти неспособной к добру и лишается Божиих даров. И дара разума – не случайно девство и брачная чистота именуется славянским словом «целомудрие», «цельное мудрование» – то есть такое познание вещей, которое вскрывает суть их и первоосновы; растленному уму их не постичь... И дара молитвы – вспомним, за Богослужением в храме произносятся слова: «Миром Господу помолимся», – речь идёт именно о внутреннем мире, а не о собрании людей, как иные ошибочно думают.

Святая Церковь не одобряет никакие методы искусственного избегания беременности вообще, противопоставляя ей практику самоограничения, воздержания. Дело здесь не в суровости придуманных моральных предписаний: Церковь только констатирует факт, что любые противозачаточные средства противны Божественному плану устройства человека. Столь высокое требование имеет и педагогическое значение, наряду с другими, такими как хранение добрачного девства, безусловной супружеской верности, категорическая недопустимость абортов. Не достигшие этого идеала, сопоставляя свою жизнь с ним, должны приходить в чувство своей греховности и смиряться пред Господом (конечно, речь о тех, кто пребывает в спасительной ограде Матери-Церкви).

Безумная страсть к наслаждениям, столь свойственная нынешнему немощному веку, лишает жизнь смысла, изглаживает в человеке черты Образа и Подобия Божьего, приближает его к миру неразумных тварей. Так спутники Одиссея среди чувственных утех были волшебницей Цирцеей превращены в свиней... Таковым не даётся премудрости, и они обречены вечно страдать от ощущения трагической неполноты своего бытия. Ещё в XVI веке португальский поэт Луис де Камозэн констатировал: «Всё ясное, обычное, простое – всё спуталось, и рухнули устои. А жизни нет. Жизнь только снится нам».

Мир и жизнь тогда лишь создаются в человеке, когда он становится отраслью Истинной Лозы, растущей в Жизнь Вечную. И нет такого греха, который не врачевался бы покаянием. Только через покаяние, когда человек действительно намерен оставить прежнюю жизнь и, с Божией помощью, начать новую, восстанавливается завет с Богом и обретается утраченный душевный мир.

По сайту-источнику: oigor.narod.ru

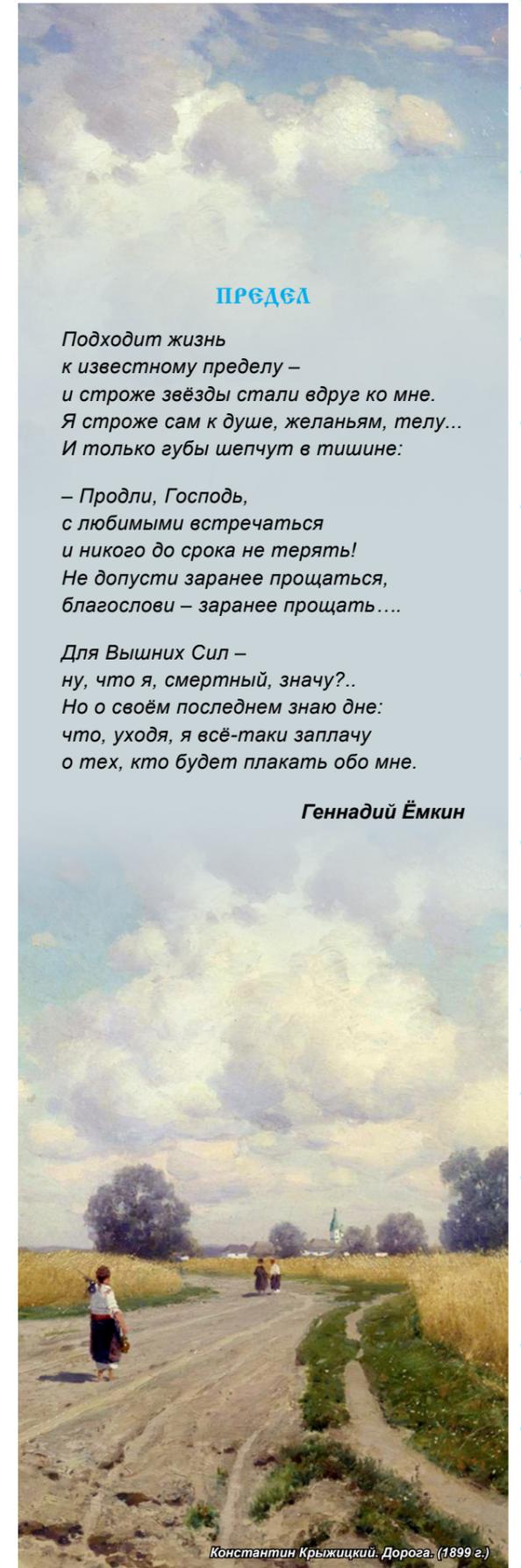
ПРЕДЕЛ

*Подходит жизнь
к известному пределу –
и строже звёзды стали вдруг ко мне.
Я строже сам к душе, желаньям, телу...
И только губы шепчут в тишине:*

*– Продли, Господь,
с любимыми встречаться
и никого до срока не терять!
Не допусти заранее прощания,
благослови – заранее прощанья....*

*Для Вышних Сил –
ну, что я, смертный, значу?..
Но о своём последнем знаю дне:
что, уходя, я всё-таки заплачу
о тех, кто будет плакать обо мне.*

Геннадий Ёмкин

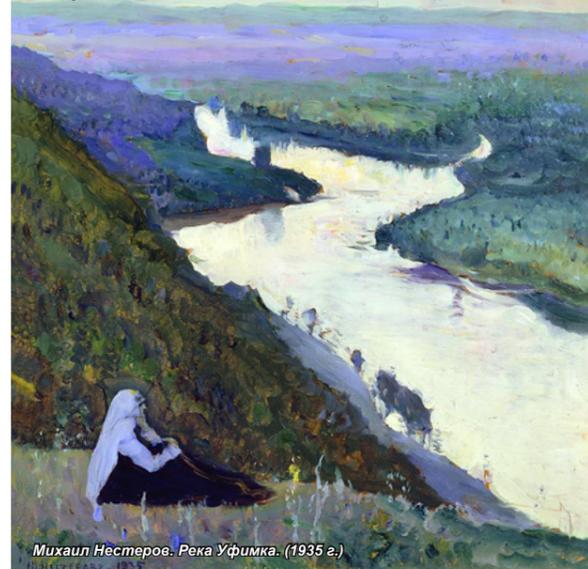

Константин Крыжицкий. Дорога. (1899 г.)

ПРИЧАСТИЕ

Литургия уже подходила к концу, а желающих исповедаться было ещё десятка два. Батюшка хотел, чтобы как можно больше собравшихся успело совершить это Таинство, без которого, как известно, нельзя подойти к Чаше, и потому торопился. Особенно старался остепенить не в меру болтливых прихожан, напоминая им, что на исповеди важно не столько рассказать во всех подробностях о своих неблагоприятных поступках, сколько иметь в душе покаянное чувство и желание исправиться. Однако, предварительно извинившись, всё же предупредил, что, к сожалению, всех выслушать он не сможет. После этих слов многие из прихожан отошли, а оставшиеся начали напирать на стоящих впереди, сжимая полукруг возле отца Михаила.

Перед Ольгой Николаевной уже никого не было; но едва она собралась подойти к батюшке, как справа от себя заметила опирающегося на палку старичка. Он тяжело дышал; пот катился с него градом. «Проходите, дедушка», – сказала Ольга Николаевна, подавшись немного назад. Тот благодарно кивнул головой... А когда отец Михаил накрыл его голову епитрахилью, она услышала позади себя детский плач и затем женский голос: «Опять мокрый?.. Боже ты мой... Вы не разрешите?» – женщина с младенцем на руках умоляюще посмотрела на Ольгу Николаевну. «Конечно», – та сделала шаг в сторону. И тут же покосилась на молодого человека с красным лицом, ставшего рядом, на место женщины с ребёнком. Почувствовав, что от того пахнет спиртным, ужаснулась. «Разве можно в таком состоянии подойти в храм?» – хотела, было, она сказать парню; но тут же спохватилась: «Господи, мне ли судить человека? Может, он извёлся от своей страсти, родных и близких измучил, пришёл за помощью к Богу, а после моего наставления устыдится и уйдёт из храма навсегда. И душа его погибнет! Пусть решит священник». И она посторонилась, пропуская молодого человека вперёд. Тот вопросительно на неё взглянул; но всё же после женщины с ребёнком подошёл к батюшке. Отец Михаил беседовал с ним довольно долго, и в толпе готовящихся к исповеди поднялся недовольный ропот. А Ольга Николаевна была рада: «Пускай, – думала она, – подольше поговорят; может, парнишке это пойдёт на пользу...».

Михаил Нестеров. Река Уфимка. (1935 г.)

Отпустив молодому человеку грехи, батюшка объявил, что исповедует последнего; но не успела Ольга Николаевна сделать и шага, как, опередив её, к отцу Михаилу юркнула маленькая старушка. Ольга Николаевна растерянно на неё посмотрела, но делать было нечего; и вместе с остальными, не успевшими исповедаться, она отошла в сторону.

«Господь не допустил к Чаше, – подумала она, – недостойна... Да и впрямь: недавно сына отшлёпала за рогатку, а нужно было поступить по-иному: рассказать ему о страданиях раненых птиц; подружкам на работе, когда застала их за просмотром непростого фильма, столько гадостей наговорила, вместо того, чтобы просто объяснить им, что подобное кино – мерзость. Даже не извинилась перед ними... Господи, прости меня, грешную. Теперь понимаю, что Ты оказал мне великую милость, не допустив осквернёнными устами принять Тело и Кровь Твою, уберёг меня от греха кощунства...». Тем временем причастники начали подходить к Чаше. Ольга Николаевна увидела среди них дедушку с клюкой, женщину с младенцем на руках – и искренне за них порадовалась. А когда причастился краснолицый молодой человек, которого она пропустила перед собой к исповеднику, по щекам Ольги Николаевны потекли слёзы. «Господи, – зашептала она, – избавь его силой Благодати Твоей от пагубной страсти, пошли в его семью покой и счастье...» – и она перекрестилась. По окончании службы прихожане, как обычно, стали подходить к батюшке, чтобы приложиться ко кресту, который он держал в руке. И когда Ольга Николаевна хотела поцеловать Распятие, священник дрогнул и слегка пошатнулся... «Какой позор, – пронеслось чуть позже в голове Ольги Николаевны, – даже настоятель отпрянул от меня. Это мне явный знак, чтобы я не смела подходить к Святыне, будучи в греховных нечистотах!..» И, опустив глаза, она встала в самом тёмном углу храма, не смея даже произнести святыя слова молитвы. Несколько минут спустя услышала рядом с собой женский голос: «Вы что здесь стоите, причастники должны выслушать благодарственный молебен. Идёмте...». И, не успев Ольга Николаевна раскрыть рта, как служительница храма – пожилая женщина в коричневом платке – взяла её за руку и отвела к причастникам. «Господи, прости меня, – с ужасом подумала Ольга Николаевна, – совсем я обезумела!..» – но отойти не посмела: боялась нарушить благоговение молящихся. После молитвы она быстро перекрестилась и поспешно вышла из храма. А женщина в коричневом платке подошла к настоятелю: «Вы уж меня извините, отец Николай, но я не видела эту прихожанку у Чаши. Почему Вы велели мне отвести её на благодарственный молебен?» Священник взял её за руку и отвёл в сторону: «Понимаешь, Антонина, – проговорил он тихим голосом, – эта женщина, когда подошла ко Кресту, сияла таким неземным светом, что я чуть не потерял равновесие... Даже если она не была у Чаши, поверь: её причастил сам ангел. Такие явления иногда наблюдали Святые Отцы... Только, ради Бога, об этой прихожанке никому не рассказывай», – и он направился в алтарь. А Антонина, выйдя из храма, с любопытством посмотрела вслед слегка скорбленной Ольге Николаевне – однако никакого света, исходящего от неё, не увидела...

Иван Кузин

КРЕСТНЫЙ ХОД, ИЛИ ЗАЧЕМ ХОДИТЬ ТОЛПОЙ ТАК ДАЛЕКО?

Первая встреча с Митрофаном Тихоновским Крестным Ходом у меня произошла в 2005 году. Я тогда почти не ходила в храм и мало что понимала, а о крестных ходах вообще ничего не слышала. Как и о святителях Митрофане Воронежском и Тихоне Задонском. 20 августа я должна была лететь на самолёте со своим маленьким сыном к родителям. Вылет задержали из-за жары, и самолёт должен был полететь ночью. Я позвонила мужу, и он нас забрал из аэропорта. Мы ехали и вдруг услышали голос из громкоговорителя, рекомендовавший нашей машине прижаться к обочине. Остановились, я вышла и увидела людей, идущих с хоругвями и тёмной иконой какого-то святого. И вдруг такой порыв – идти с ними, без оглядки и без рассуждений!.. И я пошла, как была – в джинсах, простоволосая. Лишь окрик мужа заставил меня остановиться и вспомнить, что у меня семья, младенец в машине, и что сегодня мне лететь к родителям, которых я не видела целых восемь лет. Тогда я поразила своему незапному импульсу, и тогда это показалось каким-то легкомыслием, наваждением. Но теперь я понимаю: так откликнулись на Крестный Ход моя душа, моё сердце!

Я не знала, что Крестный Ход ежегодный, и потом не вспоминала об этом случае: несколько лет жила своей жизнью, потихоньку воцерковляясь. Когда у окон шёл Крестный Ход, уже не удивлялась. Только, смотря на идущих, жалела, что не могу быть среди них: работа меня держала крепко.

В 2011 году в храме я увидела листовку, там был изображён маршрут движения Крестного Хода и обозначены даты. Захотелось участвовать, но я даже не помыслила дойти до Задонска. Сыну было уже восемь лет, но он казался мне всё ещё очень мал для таких переходов, и я думала: пройду столько, сколько осилит ребёнок, чтобы пусть и ненадолго стать участником Крестного Хода. Хотя бы до остановки «Проспект Труда»... Позвала сестру, и мы вдвоём отправились в Крестный Ход... Дух захватывало от количества народа, от масштаба и торжественности происходящего, хотелось плакать от переполнявших душу чувств.

Алексей Корзухин. Крестьянские девочки в лесу. (1878 г.)

Ребёнок занял на Заставе. Но так не хотелось уходить! Лаской и уговорами удалось его убедить идти дальше. Дошли до храма Ксении Петербургской, там был большой привал, нас кормили, потом был отдых. Сыну это понравилось, и мы решили идти дальше. Каждый раз ставили себе новые задачи: дойти до областной больницы, потом до Олимпиады, до Сити-парка... Здесь сын отказался идти дальше – устал. Но я уже знала о существовании серой машины сопровождения, которая подбирала уставших детей. Посадила туда ребёнка, а мы с сестрой продолжили путь. Идти было всё труднее. Мне кроссовки натёрли ноги до водянистых пузырей-мозолей. Мы были рады, что около Медовки нас подобрал мой муж, после работы отправившийся на машине нас искать: самим не хватало духу выйти из Крестного Хода. А сын уехал в Чертовицы – первый пункт ночлега по дороге в Задонск. Мы тоже направились туда, нашли своего ребёнка и вернулись домой, но решили в следующем году уже с вещами всей семьёй идти в Задонск.

Весь год я ждала этого события. Но не сложилось, и Крестный Ход ушёл без меня, а мне предстоял мой собственный крестный путь... Минул ещё год – 20 августа мы погрузили сумки со спальниками и пенками в машину, а сами пошли в храм на службу. Погода была солнечная.

Продавцы высыпали из магазинчиков на улицы, пытались снять шествие на свои телефоны. Гордость переполняла душу: мы участники Крестного Хода, христиане и пусть люди знают, что нас, христиан – много, что мы готовы открыто проповедовать свою Веру.

В Крестном Ходе я поняла: он напоминает мне людское море. Колонна мерно двигалась – как волны, и все пели молитву – «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», но пели её не все вместе: это невозможно при таком скоплении народа. И потому молитва в Крестном Ходе тоже поднималась волнами: одна волна утихала, а другая в это время набирала силу; где-то она уже подходит к концу, в другом месте поют её середину, а где-то она только зарождается...

Некоторые крестоходцы жаждали, чтобы все полторы тысячи людей пели одновременно и в унисон, огорчаясь, что молитва не покрывает весь Крестный Ход единым порывом. Мне же казалось, что молитва, поднимающаяся морскими волнами – сродни живой природе, где каждое дыхание да хвалит Господа!

Пока будет существовать Крестный Ход, в СМИ будут сообщать, что он создал автомобильную пробку. Тональность публикаций зависит от личного отношения журналиста к происходящему и от настроений в обществе. Сейчас модно говорить, что церковь – это рассадник мракобесия, как-никак XXI век на дворе.

На одном из форумов интернета в 2010 году сетовали, что верующие создали шестикилометровую пробку между ТЦ Московский проспект и ТРЦ Град и рекомендовали Крестному Ходу пойти по просёлочным дорогам, а не по автомагистрали. Дескать, «у нас светское государство, веришь – не мешай другим, не кради чужое время»... Я прочитала это в 2013 году. Может, писавший это три года назад, сейчас думает по-другому, может, сам собирается в Крестный Ход?.. Или ненавидит крестоходцев еще сильнее?..

Но Крестный Ход не возникает неожиданно, как возникают каждодневные пробки и аварии на дороге. Он движется по установленному маршруту раз в году.

Продолжение на стр. 18-19

Начинается в определённое время – в день памяти первого святителя земли Воронежской Митрофана. И автомобилисту можно построить свой график движения и маршрут так, чтобы не оказаться в это время в этом месте в пробке. Или мысленно поставить себя на место крестоходцев, сказав себе: «Я сижу в кресле в своей машине, пусть и в пробке! А этим людям пешком за пять дней предстоит пройти более ста километров. Смог бы я бросить машину и пойти с ними?»

У многих, идущих в Крестном Ходе до Задонска, есть машины – но они идут пешком. Но если представить, что полторы тысячи крестоходцев выбрали для себя более удобный и разумный с точки зрения современного автомобилиста способ движения, пожалуй, возникнет другая – полуторатысячная автомобильная пробка... Идёт Крестный Ход – дань уважения нашим святителям Митрофану, Тихону и Антонию. Пётр I целовал руку святителю Митрофану, сам нёс его гроб к месту погребения... Достоевский призывал изучать писания святителя Тихона Задонского... Будем же уважать историю своего края и тех, кто славно потрудились на родной Воронежской земле.

После первого большого привала у храма Ксении Блаженной в Северном районе многие – в числе их женщины с малышами, пожилые и больные, те, кого не отпустили с работы – отправляются по домам. Эти нарядные люди – украшение Крестного Хо́да: кружевные носочки, бантики, цветочки на юбочках и сумках... Те, кто идёт все пять дней, одеты практичнее и проще.

Поели, сидим на привале. Увидели молодую маму, Лену, с малышкой. Машеньке полгода, но это уже второй в её жизни Крестный Ход (первый был в животе у беременной мамы)... Повстречали опытную крестоходку 74-летнюю бабу Машу... Подходит двенадцатилетняя Настя, наша знакомая, спрашивает: «Тётя Аня, а зачем Крестный Ход нужен?» Я удивлена: мне казалось, что если человек сходил хотя бы раз в Крестных Хо́дах, то у него уже не возникает вопроса «зачем?». Настя была несколько раз – и не получила ответа. Оказывается, можно идти в Крестный Ход, не понимая его смысла. Я ответила первое, что пришло в голову: «Крестный Ход – это как движущийся храм и как река с водой одновременно.

Речка очищает и омывает всё. Так и Крестный ход: когда он льётся по улицам и дорогам, то очищает всё на своём пути. А мы, когда оказываемся внутри Крестного хо́да, как его участники, сами тоже очищаемся. То есть Крестный ход очищает все внутри себя и снаружи». А потом, подумав, добавила: «Ты знаешь, у Крестного хо́да много разных смыслов. То, о чем я тебе сейчас сказала, это только один из них. А кто-нибудь другой тебе может открыть еще какой-нибудь смысл». «Понятно, – сказала Настя и добавила, – а то я спрашивала у своей бабушки, но она мне ничего не смогла ответить».

Людей, не понимающих, зачем нужны Крестные хо́ды, достаточно. Но непонимание у них разное. У одних это искреннее желание постичь смысл: «Я что-то ничего не поняла... не могу понять, зачем толпой так ходить и так далеко. Где можно прочесть про это. Я так думаю, это старый забытый обычай?» У других агрессия и нежелание ничего слышать и понимать: «Не зря же существует поговорка – дурная голова ногам покоя не даёт...».

Нельзя в Крестном Хо́де обременять себя мыслями о житейской суеде: мирское начинает тянуть к земле, а нужно тянуться к Небу. Многие из тех, кто случайно ушёл в Крестный Ход без вещей, не планируя шагать до Задонска, признавались, что им было очень легко идти. В 2008 году так впервые пошла моя знакомая: не задумываясь, с дамской сумкой и с двухлетней дочкой в коляске... В Крестном Хо́де участвовали тогда около пяти сот человек.

Андрей Дроздов. Молитва. (2005 г.)

И она была едва ли не первой матерью, отважившейся взять с собой ребёнка. Сейчас никого уже не удивишь тем, что младенцы едут в колясках до Задонска, а тогда было в диковинку. «На меня смотрели как на ненормальную, – признаётся знакомая. – Но я не шла, а будто летела, было так радостно и легко. Ни болячек, ни мозолей не было. Люди давали в дороге всё необходимое».

Помню, мужчины сидели в Задонске на ступеньках храма, смазывая зелёной и бинтуя ноги. Глядя на людей, которые, преодолев боль, до конца прошли Крестный Ход, я подумала, что они совершили паломнический подвиг, преодолев желание всё бросить и вернуться – ведь никто не неволит. Царство Божие зарабатывается трудом. Труд – идти, преодолевая физическую боль, а если идти легко, можно трудиться, помогая другим молитвой, добрым словом и делом. Крестный Ход – не место для гордыни, здесь не может быть условий «или всё, или ничего!». Говорящий с гордостью: «Я дошёл до самого Задонска, ходил столько раз» – сам себя невольно обкрадывает. Можно осилить и малый путь в Крестном Хо́де – и получить пользу, идя со смирением и надеждой на милость Божию. Как-то я спросила у одной простой женщины, сколько раз она уже ходила – и получила ответ: «Да, что ж, разве я считала?!»

Подвернув ногу в Чертовицах, я почти смирилась с тем, что придётся уезжать завтра домой. Рассказала женщине, которая нас приютила, что сын хотел идти до конца, что боюсь его огорчить известием о возвращении. А она меня убедила идти дальше, обмотав ногу эластичным бинтом – и дала бинт, и вселила в меня надежду. В воду озера в Староживотином так приятно опустить уставшие ноги... На память – благоухающий пучок мяты во внешнем кармашке рюкзака.

Хлевное, райский уголок: в фонтане плещутся детишки. Батюшка с густо рассыпанной на груди бородой щедро окропляет водой паломников во дворе. «Батюшка, окропите, а то не дойдёт!» – «Эта? дойдёт!..», – улыбается, окропляя.

В середине пути познакомилась с шестнадцатилетней девочкой: мама боялась отпустить её в Крестный Ход, но увидев, какие

крестоходцы проходили мимо их дома – ребята шестилетнего возраста, отпустила с лёгким сердцем. А двухлетний Герман в коляске проехал весь путь до Задонска. Мой, уже десятилетний, сын шёл тяжело, но мужественно... Два раза ловила машину, просила, чтобы его довезли – а он отказался, осилил весь путь до конца.

В Гнилушах одна женщина, кандидат наук, современная и образованная женщина, призналась: «Когда сильно отстала от Крестного Хо́да, шла и плакала, чувствовала свою покинутость, ненужность, одиночество – и нутром ощутила себя обычной бабой. А когда смиряешься, Бог становится ближе». Смирение – высшая степень доверия Богу: «На всё Воля Твоя, Господи». В храме деревянные крашенные пол, бумажные иконы на стенах. Но такая невидимая благодатная сила разлита в воздухе, что начинаешь понимать, какой трепет испытывают ангелы: «Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф!..».

Когда раскаты грома озарили утреннюю мглу и дождь застучал по крыше палатки, подумалось: «Как же пойдём? И так мозоли, а под дождём и вовсе не дойти». Но вода ушла, а осталась лесная прохлада, дающая силы, аромат трав и тонкий эфир, в котором молитва людей сливается со славословием природы – и начинает душа петь...

До Задонска несколько километров. Мы на мосту: видны и «голова», и «хвост» Крестного хо́да, за которым тянется вереница отставших. И «всякое дыхание да славит Господа!» – это славословие проникло в поющую душу, истекая из неё, как живительная вода. Голос стал сильнее, слился с небом, дорогой, травой, деревьями... И – желание охватить молитвой весь Крестный Ход: тем, кто впереди, дать сил идти дружно, задавая движение и ритм, а в тех, кто отстал, вдохнуть энергию, чтобы никто-никто не отчаивался и не терял надежду.

Задонск, идём по городу. Больше хоругвей, икон, шире дорога... Диким воем завывли, завизжали больные! Священный ужас и трепет – вот она, сила святителей!

Краснокирпичный храм с зелёной крышей... В монастыре – праздничные службы у открытых мощей... Прохлада трапезной и сахар спелых арбузов... Всё родное. Живём как птицы, не заботясь, что есть и что пить... Мирская суеда ушла – осталось желание сохранить то, что открылось в дороге.

Анна Давтян

С использованием «Толкового Типикона»

ЦЕНТР ВЕЛИКОГО СЛАВОСЛОВИЯ

Михаил Шаньков. Крещение Руси. (2003 г.)

Подробное прославление и благодарение Бога за различные Его благодеяния завершается на воскресном Богослужении общим прославлением Его за все благодеяния.

В этот момент воодушевление молящихся, сила и теплота их чувства достигают зенита, при котором мысль уже не может останавливаться на частностях, на тех или других милостях Божиих. Мысль, сердце, дух – всё существо молящихся, кажется, всецело погружается в благодарное созерцание недостижимой высоты и святости Божией – и всего ничтожества и недостойнства человеческого пред Ним. Таков характер славословия, которым заключаются все песнопения славословия, справедливо названного великим: «Слава Тебе, Показавшему нам Свет!..».

Огромное напряжение религиозного чувства Великого славословия совпадает с наступающим в этот момент Богослужения первым проблеском утренней зари. Вечером верующие, «достигшие на запад солнца и увидевшие свет вечерний...», изливали свои чувства в восторженном песнопении «Свете тихий...». И вот близится рассвет – и вид рождающегося из тьмы ночной утреннего света настраивает их ещё глубже и теплее к созерцанию Бога как Несозданного (Нетварного, Неотмирного) Света: «Во Свете Твоем узрим Свет».

Утренняя песнь гораздо длиннее и полнее вечерней. Она начинается прямым благодарением Бога (в вечерней песне благодарение косвенное: «Поем Отца и Сына...») за утреннюю зарю, которое и выражается торжественным возгласом: «Слава Тебе, показавшему нам Свет».

ПЕЧАЛЬ ПЕРЕМЕНИЛАСЬ В РАДОСТЬ

21 сентября н.ст. – Рождество Пресвятой Богородицы

Пресвятая Дева Мария родилась в то время, когда люди дошли, казалось, до пределов своего нравственного упадка. Лучшие умы той эпохи сознавали и часто открыто говорили, что Бог должен сойти в мир, чтобы исправить Веру и не допустить погибели рода человеческого. Сын Божий для спасения людей восхотел принять человеческое естество – и избрал Себе Матерью Пречистую Деву Марию, единственную достойную вместить в Себя и воплотить Источник Чистоты и Святости. Рождество Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии празднуется Церковью как день всемирной радости. В этот светлый день, на рубеже Ветхого и Нового заветов, родилась Преподобная Дева, чтобы, по Божественному Промыслу, послужить тайне воплощения Бога Слова – явиться Матерью Спасителя мира, Господа нашего Иисуса Христа.

Пресвятая Дева Мария родилась в семье Иоакима и Анны в небольшом Галилейском городе Назарете. Иоаким происходил из колена Иудина, царского племени; Анна была младшей дочерью священника от племени Ааронова – Матфана, у которого было три дочери: Мария, София и Анна. У Софии была дочь Елисавета, которая была матерью Иоанна Предтечи.

Иоаким и Анна были праведны пред Господом, чистым сердцем соблюдая заповеди Его до глубокой старости. Вся их жизнь была проникнута любовью к Богу и милосердием к ближним. Ежегодно выделяли супруги из своих значительных доходов две трети: одну жертвовали в храм Божий, другую раздавали бедным и странникам. Остальное же употребляли для собственных потребностей. Они были бы счастливы, если б не бесплодие, наполнявшее скорбью их сердца. По понятиям того времени отсутствие в семье детей считалось бесславием и наказанием, ведь потомкам Давида дана была надежда сделаться орудиями спасения человеческого рода чрез рождение обетованного Мессии. Пятьдесят лет брачной жизни терпели они позор бесчадия. По закону, поддерживаемому фарисеями, Иоаким имел право требовать развода за неплодие жены. Но он любил и почитал супругу за её необыкновенную кротость и высокие добродетели и не хотел разлучаться с нею. Безропотно, в посте и молитвах несли они вместе испытание, укрепляя друг друга любовью и не теряя надежды на милость Божию.

В великие праздники они посещали Иерусалим. И однажды пришёл Иоаким в храм, чтобы вместе с другими принести жертву Богу. Но архиерей отверг его приношение, укоров: «Господь из-за каких-нибудь тайных грехов твоих отнял от тебя Своё благословение». Трудно было праведному Иоакиму

ТРОПАРЬ ПРАЗДНИКА

Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия Солнце Правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднил смерть, дарова нам живот вечный.

слышать такие нарекания и, не в силах возвращаться домой с тяжким сердцем, он отправился в пустыню. Сорок дней старец плакал, постился и молился, взывая к Богу, прося избавить его от позорных упреков и даровать чадо в старости.

Узнав об оскорблении, нанесённом мужу, неутешно плакала и Анна. Чтобы скрыть от домашних свою скорбь, она уходила в сад и там под лавровым деревом с глубокой верой в милость Божию приносила Создателю слёзные молитвы, прося послать ей в старости радость чадородия. И однажды пред нею явился Ангел Господень и произнёс: «Анна! Господь услышал молитвы твои, и ты родишь чадо, и о семени твоём благословятся все роды земные. Имя твоей дочери да будет Мария, и ею дастся спасение всему миру». Ангел повелел Анне идти в Иерусалим, сообщив ей, что мужа своего она встретит у золотых ворот. Исполнившись благоговейной радости, Анна воскликнула: «Жив Господь Бог мой! Если будет у меня дочь, отдам её на служение Богу, и пусть она служит Ему день и ночь, восхваляя Святое Имя Его». Ангел Божий явился и праведному Иоакиму в пустыне, сказав ему: «Господь принял твои молитвы: жена твоя родит тебе дочь, о которой все будут радоваться. Иди в Иерусалим, и там у золотых ворот найдёшь жену твою, которой я возвестил это». Супруги встретились у золотых ворот и, принеся благодарственные жертвы в храме, возвратились домой с верой в исполнение обетования Господа.

Православная Церковь с древних времен празднует в девятый день декабря (ст. ст.) зачатие Пресвятой Богородицы от престарелых, лишённых чадородия родителей для того, чтобы рождённое Дитя было всеми признано за особый Дар Божий. Чудесами надлежало приготовить главнейшее чудо – Благодатную Весть, что от Девы родится Спаситель мира.

По учению Православной Церкви, Пресвятая Дева Мария зачата и рождена по обетованию Божию от мужа и жены. Лишь Господь Иисус Христос родился от Приснодевы Марии безмужно, по наитию Духа Святого.

Колыбель Пресвятой Девы Марии, которая родилась в Назарете от некогда знаменитого дома Давидова, утратившего уже своё величие, не окружали ни блеск, ни слава мира. Все эти земные преимущества меркли при свете незримой Славы, уготованной от века Матери Божией, называемой, по свидетельству «Евангелия», благодатною и благословенною со дня воплощения от Ней Спасителя мира. В пятнадцатый день по рождении дано было Ей имя, указанное Ангелом Божиим – Мария, что значит «госпожа», «надежда». Мария, став Матерью воплотившегося Творца, явилась Госпожою и Надеждою для всего творения.

В IV веке равноапостольная Елена построила храм в честь Рождества Матери Божией, и Церковью был установлен великий двенадесятый вселенский праздник, который совершается **21 сентября (н.ст.)**. Это праздник всемирной радости, потому что Богородицею весь род человеческий обновился, и печаль праматери Евы переменилась в радость.

Рождество Божией Матери ознаменовало наступление времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божии о спасении рода человеческого от рабства диавола. Это событие приблизило на земле благодатное Царство Божие – царство истины, благочестия, добродетели и бессмертной жизни. Пресвятая Владычица наша Богородица является и всем нам по благодати Матерью и милосердной Заступницей, к Которой мы постоянно прибегаем к сыновним дерзновением.

По сауму: days.pravoslavie.ru

Людвиг Кнаус. Девочка в поле.

СОХРАНЯЯ ЧИСТОТУ СЕРДЦА

Рукотворный Рай на земле построить невозможно. Его не увидеть даже там, где прекрасные дороги и красивые дома, там, где хорошо одетые люди и дорогие машины. Задача человека заключается не в том, чтобы строить Рай на земле, но в том, чтобы человеческая жизнь не превращалась в ад. Почему же так? А потому, что слишком сильно притяжение греха. Это притяжение настолько значительно, что человек часто теряет волю, разум и отдаётся своим страстям и порокам, плывёт по течению страшной реки, несущей его в преисподнюю. Люди совершают злые поступки, потому что им кажется, что в результате они обретут для себя некое благо: либо станут богаче, либо получат больше власти, либо будут иметь больше наслаждений. Вот эта жизненная ориентация приводит человека к краху. Мы ничего не унесём за черту жизни и смерти. Нам не потребуются там ни счета в банке, ни красивая одежда, ни прекрасные дома, ни дорогие машины. Материальные блага имеют ценность для человека – они поддерживают его физически, предоставляют возможность раскрывать духовный потенциал. Но все они являются средством, а не целью. Если единственная цель – построить красивый дом, то это ложная цель. Красивый дом нужно построить для того, чтобы в нём жила дружная крепкая семья, было бы много детей, а если уж Бог детей не дал – чтобы в этом доме совершались добрые дела.

Что же является ценностью непреходящей? Что является той силой, которая приведёт нас в Божие Царство, которая сделает нас достойными райской жизни? В «Евангелии» Господь, указывая на ребёнка, сказал удивительные слова, которые люди не могут до конца понять, но в которых огромная правда и жизненная сила: «Если не будете как дети, не войдете в Царствие Божие» [Мф. 18, 3]. Но ведь детский возраст – это начало жизни. Все силы – ума, воли, чувств – ещё в зачаточном состоянии, и нужно развить эти силы, образовать разум, воспитать волю и чувства; нужно вырасти, стать взрослым, сильным человеком, который приносит пользу себе и ближним своим. Почему же Господь не указал на Своих апостолов и не сказал: «Таковых есть Царствие Небесное – будьте как Мои ученики, и войдёте в Царствие Божие»? Было бы понятно: именно тогда, когда человек возрастает в разуме и пребывает с Богом, он обретает ключ к Царствию Божию. Но Господь указал на детей. Некоторые могут подумать: что же, нужно быть такими же неразвитыми, иметь такой же разум, такой же жизненный опыт, как у детей? Неужели нужно плакать и смеяться так же, как смеются и плачут дети? Зачем же тогда вся жизнь?

В словах Божиих – великая правда и ключ к пониманию тайны Царствия Небесного. Конечно, ребёнок питается молоком, мягкой пищей, и ему нужно набираться сил, возрастать, обретать разум, мудрость, силы, способность сопротивляться злу. Но у ребёнка есть нечто, что никогда не должно покидать человека: чистота сердца.

Мы можем стать очень сильными, богатыми, влиятельными, умными, образованными. Мы можем стать учёными, политиками или простыми тружениками, к которым все испытывают уважение. Но при этом мы должны сохранить в сердце своём эту детскость, эту способность благоговеть пред миром Божиим, чувствовать красоту мира, как чувствуют дети, чувствовать правду, как чувствуют дети, быть чистыми душой, как чисты дети. А иначе и быть не может, потому что только чистые сердцем увидят Бога [Мф. 5, 8]. Где увидят? И в этой земной жизни, и в жизни загробной.

По Слову Святейшего Патриарха Кирилла

ЯКО ДЫМ КАДИЛЬНЫЙ...

Крестная смерть Спасителя поставила Голгофу и Гроб Господень в центр мироздания. Где тот храм Соломона, пирамиды фараонов, башни Вавилона, маяк Александрии, сады Семирамиды, мрамор Пальмиры – где всё богатство века сего? Всё прах и тлен по сравнению с подвигом Христа. Мир навсегда стал сверять своё время и время вечности – по Христу. Все события в мире – это противостояние тех, кто за Христа и тех, кто против. И другой битвы не будет до скончания времён. Нам дано счастье, выше которого нет: причащаться Тела и Крови Христовых на Божественной Литургии. И где б она ни свершалась – в великолепном соборе или в бедной деревенской церкви – мы принимаем в себя Христа как своё единственное спасение. Но никакая другая Литургия не встанет вровень с той, что происходит ночью на Гробе Господнем в иерусалимском храме Воскресения. Только представить: чаша с Телом и Кровью Христа ставится на трёхдневное ложе Спасителя, освящается и выносятся для приобщения участникам ночного служения...

Несколько раз я был на ночной службе у Гроба Господня, и особенно помню первую. Поехал на неё вместе с монахинями из Горненской обители. Время близко к полуночи, ни шума машин, ни людей – лишь огни по горизонту, свежий ночной воздух и негромкое молитвенное пение монахинь. От Яффских ворот быстро и молча шли мы по странно пустым узким улочкам старого города. Вот ступени пошли вниз, вот поворот на широкую площадь перед храмом. Справа – Малая Гефсимания, слева – вход в храм, прямо к Камню Помазания. У входа – расколота молнией и опалённая Благодатным Огнём колонна... Прикосновение к ней, влажной от ночной росы, освежает и даёт силы на предстоящую службу. До этого у меня был счастливый, но трудный день: я с утра до вечера ходил по Иерусалиму, говоря себе: «Это – город Христа, значит, это и мой город».

Не сразу я полюбил Иерусалим – не Старый город, где Скорбный Путь, «идеже стоясте ноге Его», и остановившееся время Главного События Вселенной. Нет: современный Иерусалим, куда новые линии и силуэты зданий проникают как лазутчики материального мира.

Мешал и непрерывный шум машин, и торговцы, предлагающие товары и пищу, мешали бесцеремонно кричащие в трубки мобильных, часто на русском языке, энергичные мужчины и короткие ненавидящие взгляды хасидов. Но что с того? Сюда Авраам привёл своего сына, собираясь принести его в жертву Богу. Здесь плясал с Ковчегом Завета царь Давид. Отсюда пришла в мир весть о Воскресшем Христе. Здесь убивали камнями первомученика Стефана, а дальше, налево – гробница Божией Матери, внизу – поток Кедрона. И Гефсиманский сад, и удивительная по красоте церковь святой Марии Магдалины. Подъём на Елеонскую гору – и головокружительная высота Русской Свечи над Елеоном: православная колокольня, выстроенная великим подвижником архимандритом Антонином Капустиним. Вот он, Вечный город, вот и Золотые Ворота, куда вошла юница Божия Мать и в которые, спустя время Своей земной жизни, въехал Её Сын – Сын Божий. А вот и храм Гроба Господня.

В этот же день я обошёл Старый город – вдоль высоченных стен из дикого камня, как ходят у нас на Крестный Ход на Пасху: с паперти налево и вокруг храма. Шёл, воспринимая свой путь именно как пасхальное шествие. Шум современного мира был вначале фоном, а потом и совсем отошёл... Благодатный вход в Храм Гроба Господня отсек воспоминания минувшего дня, придал силы. Мы прикладывались к Камню Помазания – и в памяти звучали слова: «Благообразный Иосиф, с древа снем

Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе новом покрыв, положи»...

У Гроба почти никого, только греческие монахи готовились к службе. Я обошёл Кувуклию, часовню над Гробом Спасителя. Опять же вспомнился молитвенный распев: «Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Справа от часовни на деревянных скамьях спали богомольцы, пришедшие сюда ещё с вечера; сейчас они просыпались, тоже готовились к службе. Внутри часовни уже не пускали, у входа горели свечи. В одном подсвечнике, как цветы в вазе, стояли снежно-белые горящие свечи. Добавил и я свою, решив не отходить от часовни, чтобы, даст Бог, причаститься у Гроба Господня (я знал, что у Гроба причащают нескольких, а остальных, перенеся Чашу с дарами – у алтаря храма Воскресения).

Дьякон возгласил: «Благослови, Владыко!» – конечно, по-гречески; по-гречески и ответил ему ведущий службу епископ, но слова были общие, литургические: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». – «Ами-и-инь!» – согласно включился в молитву хор наших монахинь из Горней.

Мне было хорошо видно: и придел Ангела, и сам Гроб. Священнослужители, на вид очень грузные, легко и ловко поворачивались, входили и выходили из Гроба на преддверие. Частое каждение приносило прохладный горьковатый запах ладана, какой-то очень родной: в нём была чистота и простор смолистого высокого бора. Молитвенными, почти детскими голосами хор монахинь пел: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения». Новые возгласы диакона, выход Владыки и его благословение. Видимо, по случаю участия монахинь из Горней, по-русски: «Мир вам!» – «И духови Твоему», – отвечает хор. И вот уже «Блаженства» – начинается Литургия верных. Тут все – верные, от самого начала: когда были возгласы «Оглашенные, изыдите», никто не ушёл. А вот и «Херувимская». Тихо-тихо в храме, такое ощущение, что его огромные, ночью пустые пространства, отдыхающие от нашествия паломников и туристов, сейчас заполняются херувимами,

несущими земле весть о спасении: «Всякое ныне житейское отложим попечение»...

А время мчится: уже пролетело поминание живых и умерших – и торопился вспомнить как можно больше имён знакомых архиереев, батюшек, родных, близких, многочисленных крестников и крестниц, просто знакомых, кто просил помянуть их у Гроба Господня. Так и прошу: «Помяни, Господи всех, кто просил их помянуть. Имена же их Ты, Господи, веши». Душа на мгновение улетаела в ночную Россию: отсюда, из сердца мира, где в эти минуты свершалось пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, кланялся я крестам храмов православных, крестам на могилках; вспоминались монастыри, и монахи, и монашки, читающие при восковых медовых свечах Неусыпаемую Псалтырь и покрывающие молитвенным омофором российские пределы... А мы здесь, у Гроба Господня, малое стадо русских овец Христовых молилось за своё многострадальное Отечество.

Ко Гробу Христову я шёл всю жизнь – и вот, стоя у него, ждал Причастия. Ни ум, ни память осознания этого не вмещали. Вся надежда была на душу и сердце. Я в ногах у Спасителя, в одном шаге от Его трёхдневного ложа, в трёх шагах от Голгофы!..

Всё будет стократно вспоминаться: и то, как молитвенно поёт хор; как размашисто и резко свершает каждение диакон; как смиренно стоят около простоволосых женщин наши паломницы в белых платочках; как внезапно весело звенят колокольцы на блестящем архиерейском кадиле; как старуха в чёрном суёт руку в костёр горящих свечей и выхватывает оттуда догорающую, как бы пропальная пламя, и ставит взамен новую... Так хочется невидимкой войти в Гроб и видеть схождение Небесного Огня в причастную Чашу!.. Говорила знакомая монахиня: «Нам дано видеть Благодатный Огонь раз в году, а духовные люди его всегда видят, потому что Огонь Небесный не уходит от Гроба Господня».

Молодых чтецов сменяют старики. Греческую речь украшает произносимое имя Христа – в этом месте крестимся. Выносятся чаши. Обходим вслед за нарядными священниками вокруг Кувуклии.

«Символ Веры» поёт весь храм. Слышнее всего русские слова: нас здесь большинство.

Голоса улетают вдаль, к пещере Обретения Креста, в утешение почивших в Вере и надежде Воскресения. Вдруг, как будто пришедший из былинной Руси, выходит и русский диакон, заросший ещё не седыми волосами, настоящий раскаявшийся Кудеяр-атаман – и возглашает «Ектенью». На каждое прошение хор добавляет: «Поддай, Господи!»

И это незабываемое, нежное, просительное: «Кирие, елейсон...» – «Господи, помилуй». Благоговеешь перед мастерством древнерусских переключателей Священного Писания и церковных служб и, в первую очередь – Божественной Литургии и Пасхального Канона. Почему мы говорим: «Христос Воскресе!», а не «Христос Воскрес»? Потому что по-гречески это: «Христос Анасти»: соблюдено соотношение слогов. «Отче наш» поётся ещё слаженнее, один к одному совпадают русские и греческие слова «Господней молитвы»...

Внутри Кувуклии начинается причащение священников. Простоволосая высокая гречанка звучно поёт «Марие, Мати Божия». Вижу: Чаша стоит на камне в Приделе Ангела. Вот её берут и вздымают руки епископа. Выходят!.. Падаем на колени: «Верую, Господи, и исповедую...». Столько раз слышанная Причастная молитва здесь, над Гробом Господним, в том месте пространства, которое прошёл Воскресший Спаситель, звучит совершенно особо. И тут случается со мной не иначе, как Божие чудо: я оказываюсь прямо перед Чашей. Оглядываюсь, как сделал бы это и в России, ибо всегда мы пропускаем вперёд детей, но детей нет. Меня оттирает, было, диакон, но я, видимо, так молитвенно, так отчаянно гляжу, что он делает полшага в сторону. Господи, благослови! я причащаюсь!..

Чашу переносят в Храм Воскресения, огибая по пути так называемый пуп Земли – центр мира, а я безотчётно, по-прежнему со скрещёнными руками обхожу вокруг часовню Гроба Господня, кланяясь её четырём сторонам, обращённым на все стороны света.

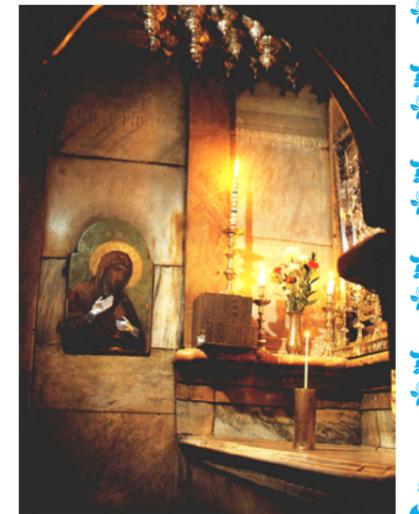
Утро. На ступенях во дворе храма думаю: «Вот и свершилось главное в моей жизни причастие, крестимся. Главное событие моей жизни... Но потом думаю: надо же ещё и умереть, и заслужить «смерть мирну, христианску, непостыдну», надо же вымолить «добрый ответ на Страшном Судищи Христовом»!..

Встаёт солнце. И, конечно, не один я мысленно произношу: «Слава Тебе, Показавшему нам Свет!» Оно бы не пришло на землю, если б не молитва на земле, если б не эта ночная служба. Легко дышалось в это утро, и хорошо было на сердце.

На обратном пути заговорили вдруг о Гоголе, его паломничестве в Иерусалим и о том разочаровании, которое он испытал. Видимо, он ждал чего-то большего, чем получил. Но ведь упоминают же современники его, что он стал мягче, добрее, сдержаннее... Вспомнил и я свою первую поездку. Очень я страдал после неё. Думал: если я стал ещё хуже, зачем же тогда был в Святой Земле? И спас старый монах Троице-Сергиевой лавры, сказавший: «Это ощущение умножения греховности, оно очень православно. Святая Земля лечит именно так: она открывает человеку его греховность, которую он раньше не видел, ибо плохо видели его духовные очи сердечные. Святая Земля дарит душе прозрение».

А вот и наш милый Горненский приют. Матушка, жалая сестёр, советует отдохнуть хотя бы полтора часа, но почти у всех – послушания. И скоро колокол Горней позовет нас на службу, в которой будут те же спасительные слова Литургии, что звучали ночью у Гроба Господня, только уже по-русски. И всё-таки когда зазвучит: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф» – отголоском откликнется: «Агиос, Агиос, Агиос Кирие Саваоф». И возникает в памяти мелодия колокольцев у Гроба Господня, и ощущение, как молитвы, произносимые у него, «яко дым кадилый» восходят к Престолу Господню...

Владимир Крупин

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Насколько заблуждаются те люди, которые ищут счастья вне самих себя: в чужих странах и путешествиях, в богатстве и славе, в больших владениях и наслаждениях, в удовольствиях и в пустых вещах, которые концом своим имеют горечь!

Возводить башню счастья вне нашего сердца – это всё равно, что строить дом в месте, которое подвергается постоянным землетрясениям. Счастье находится в нас самих, и блажен тот, кто понял это... Счастье – это чистое сердце, потому что такое сердце становится Престолом Божиим. Так говорит Господь для тех, кто имеет чистое сердце: «Вселюсь в них, и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» [2Кор. 6, 16]. Чего им ещё может не доставать? Ничего, поистине ничего! Потому что они имеют в сердце своём величайшее благо – Самого Бога!

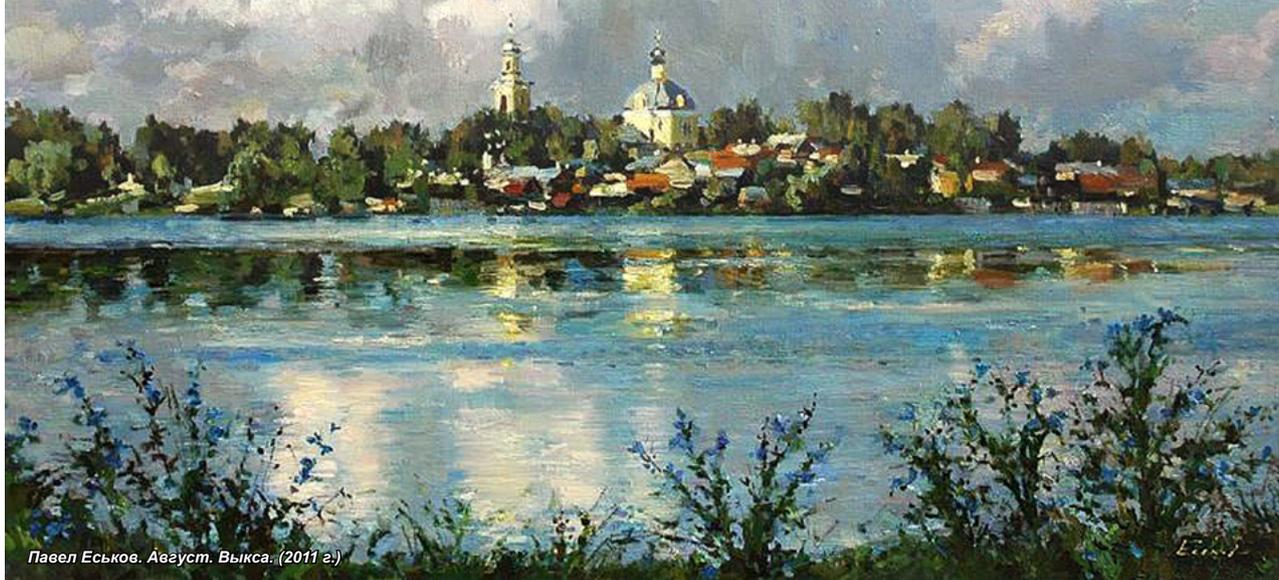
Святитель Нектарий Эгинский

* * *

*Август...
Дни твои настоялись –
солнце тихое
напролёт.
Что ж тебя так сжигает зависть
к той, которая настаёт?..
Расстаёмся... Прости, не помню,
по лиственной бродя золе –
чтоб мне было когда бездомней
на остывшей твоей земле.
Не держи ты меня, такого.
Холод зорь твоих – словно зло...
Дай губам
вкус тепла земного,
а потерям моим – число.*

*И, спокойный, пойду я в осень,
в мокрый шелест опавших дней...
Ничего...
За меня не бойся,
хоть и ночи теперь темней.
Ну, а станет бедней зенит
на одну лишь звезду – не внове! –
пусть упавшая прочертит
путь к единственному изголовью –
где любовь моя
тихо спит...*

Александр Ромахов

Павел Еськов. Август. Выкса. (2011 г.)

С вопросами и предложениями вы можете обратиться к председателю отдела Воронежской митрополии по взаимодействию с Вооружёнными Силами и настоятелю Антониевского храма протоиерею Николаю Бабичу по тел. +7 (951) 860-40-40. Телефон храма: +7 (473) 226-08-68. Адрес храма: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А. E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru
Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antoniush.ru

Редакционная коллегия: протоиерей Николай Бабич,
Римма Лютая, Николай Бавыкин
Главный редактор: протоиерей Николай Бабич
Заместитель главного редактора
по организационным вопросам: Николай Бавыкин
Редактор отдела истории и краеведения:
Игорь Маркин
Выпускающий редактор, ответственный
секретарь, корректор: Римма Лютая

Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Технический редактор
и секретарь: Алевтина Абрамова
Адрес редакции: 394070, РФ, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А
Телефоны:
+7 (951) 860-40-40 (главный редактор)
+7 (960) 115-69-06 (выпускающий редактор)
+7 (951) 545-56-96 (технический редактор и секретарь)
Электронная почта: Snt-Antonius@yandex.ru

Тираж: 3000 экземпляров.
Отпечатано: ООО «Типография Рубикон»,
г. Воронеж, ул. Урицкого, 26.
Заказ: № 000.
Подписано к печати: 09.09.2014 г.

Газета издаётся на средства и трудами благодотворителей.
*Пожалуйста, не используйте наше издание
в хозяйственных целях.*

Свидетельство о государственной регистрации ПИ № ТУ36-00332 выдано Управлением Федеральной Службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) по Воронежской области 24.12.2012 года